

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ
ПОРОГОМ

НАЧАЛО

Литрес

Андрей Стоев

За последним порогом. Начало

Серия «За последним порогом», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50287055

За последним порогом. Начало: SelfPub;

Аннотация

Мир, который разошёлся с нашим примерно в 1000 году н.э. Мир, в котором никогда не было Чингисхана и Наполеона. Сможет ли герой, проживший обычную жизнь в нашем мире, начать новую жизнь в том? Как можно прожить жизнь достойно и защитить себя и своих близких в мире, который никогда не знал политкорректности и прав человека, но в котором есть магия и боги? Вот так неожиданно сложилась судьба Кеннера Арди, когда-то простого российского завлаба, а ныне сына изгнанной из рода аристократки – немного отморозка, немного параноика, и совсем немного идеалиста.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	14
Глава 2	39
Глава 3	68
Глава 4	90
Глава 5	114
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Андрей Стоев

За последним порогом. Начало

Пролог

Меня влекло куда-то вдаль с непреодолимой силой, не оставляющей никакой возможности для сопротивления. Мелькали какие-то странные световые поля, нити, куски структур. Мыслей не было совершенно, сознание просто фиксировало происходящее без какого-либо анализа или оценки. Пришло понимание, что я умер, но это также не вызвало никаких эмоций – всего лишь факт, ничем не выделявшийся из десятков и сотен других фактов. Я не мог думать и испытывать эмоции – для этого нужно было быть живым, но опять же, это меня совершенно не беспокоило.

Следом осознал ещё один факт: я таю. С каждым мгновением от меня (души? сознания?) отрывался новый кусочек личности, привычек, воспоминаний, размываясь и оставаясь позади. Эмоций по-прежнему не было, но появилось понимание, что это неправильно. Я всё ещё не мог и не хотел бороться, но каким-то образом это ощущение неправильности что-то изменило в происходящем. Появилось чувство,

что давление постепенно слабеет, и я начинаю замедляться. Внезапно давление исчезло совсем, меня швырнуло куда-то вбок, и сознание померкло.

* * *

Снова пришёл в себя я нескоро – точнее говоря, снова начал себя осознавать. Понадобились месяцы, чтобы слабый мозг младенца развился достаточно, и на общем фоне растительного существования начали мелькать какие-то мысли. Думать было нелегко; даже простейшие попытки что-то вспомнить из прошлой жизни быстро утомляли, и я засыпал или снова проваливался в бездумное созерцание. Но время шло, и постепенно способность связно мыслить восстанавливалась. Память, однако, сильно пострадала, и воспоминания о прошлой жизни были во многом отрывочными, а частью даже просто непонятными. Остался ли я той же самой личностью? Не знаю... хотелось бы верить, что да. Много ли мы помним о себе десятилетнем в шестьдесят? Но личность остаётся той же самой, стало быть, есть ещё что-то, что делает нас теми, кто мы есть – принципы, воззрения, привычки. Впрочем, вне зависимости от ответа на этот философский вопрос, придётся жить с тем, с чем придётся. Оставалось лишь надеяться, что с развитием мозга вернутся и воспоминания.

Не сказал бы, что младенческое существование было

очень уж утомительным – просто в силу того, что осознанное бытие занимало не так уж много времени. Я старался больше думать и узнавать мир вокруг, но получалось это не то чтобы очень уж хорошо. Хотя прогресс определённо наблюдался.

Больше всего раздражало хождение под себя, но с этим оставалось только смириться. На горшок меня никто сажать не собирался, да и что толку, если я себя никак не мог контролировать? Организм делал в пелёнки по своему графику и совершенно не интересовался мнением мозга по этому вопросу. Всё, что я мог – это потребовать смены пелёнки, и я дисциплинированно ревел, как и полагалось младенцу.

Через какое-то время мозг немного развился, и жить стало чуть поинтереснее. Непонятные пятна постепенно стали складываться в очертания предметов, приобретая цвет и объём. Кровать, грудь, какая-то мягкая игрушка (заяц? енот?), рука, которая, несомненно, была моей, хотя таковой почти не ощущалась. Вообще, надо заметить, что мускулы у меня жили, казалось, собственной жизнью. Было практически невозможно просто взять игрушку – рука дёргалась почти произвольно. Можно было только улучшить момент и вцепиться. Хватательные движения получались неплохо.

Постепенно удалось идентифицировать окружающих людей. Женщина, кормившая меня грудью, – надо заметить, молодая и очень красивая, – была, несомненно, моей матерью. Однако часто меня кормила другая женщина, которую я затруднялся как-то обозначить. Кроме того, часто рядом

оказывался ещё один младенец – брат? Сестра? Непонятно...

Примерно тогда же произошло неприятное событие, которое меня порядком напугало. Я проснулся оттого, что меня довольно грубо тыкали пальцем. Надо мной склонилась женщина с холодными глазами, рассматривая меня равнодушным взглядом гадюки. Мать говорила ей что-то резкое, а та что-то лениво цедила в ответ. В конце концов, она отвесила матери презрительную пощёчину, и та замолкла. Она ещё раз довольно больно ткнула меня – я просто взбесился от злости и неожиданно для себя заплакал. Тьфу! Так у меня состоялось знакомство с бабушкой, которое, к счастью, продолжения не получило.

Хотя инцидент на этом и закончился, я вдруг осознал, что мир вокруг не вполне уютное место, а я ещё как минимум лет пятнадцать буду совершенно беспомощным. Конечно, варианты развития у ребёнка довольно ограничены, но просто сидеть и ждать, когда вырастешь и станешь большим и сильным – это опасный путь. Я твёрдо решил использовать любую возможность стать сильнее, и скоро такая возможность неожиданно подвернулась.

* * *

Я лежал в кроватке, и повернув голову, наблюдал за матерью, которая уронила что-то мелкое, вроде иголки, и вполго-

лоса ругаясь, пыталась её найти. Дело было вечером, люстра под потолком светила не очень ярко, и разглядеть потерянную мелочь на полу было почти невозможно. Внезапно мир как-то беззвучно качнулся, и над головой у матери появился крохотный яркий шарик. Я просто оторопел от изумления. Довольно быстро мать нашла потерянное, шарик потух, и мир стал прежним.

Нет, мы охотно представляем себя могучими волшебниками, но как бы мы ни рассуждали о заклинаниях, плетениях и тому подобных вещах, все мы понимаем, что магия – это фантазия, которой в реальной жизни места нет. И вот я своими глазами вижу что-то, совершенно противоречащее привычной мне картине мира. Отрицать или игнорировать это было невозможно – мать действительно создала нечто, испускавшее свет. Сомнения ещё оставались, но было сложно объяснить увиденное иначе, чем каким-то видом магии.

После этого я стал пристально наблюдать за матерью, и быстро обнаружил, что она довольно активно, хотя и по мелочи, использует магию в повседневной жизни. Немного посветить, притянуть небольшую вещь, до которой трудно дотянуться, подогреть остывший чай – было удивительно, как я раньше всего этого не замечал.

Вскоре я понял, что её действия как-то связаны с лёгкой дымкой, которая затягивает буквально всё. Эта дымка никак не мешала видеть окружающее, да и виделась она скорее не глазами, оттого я раньше и не обращал на неё внимания.

Точнее, просто решил, что это что-то возрастное, что пройдёт позже само, когда глаза полностью разовьются, и выбросил это из головы. Теперь же я стал целенаправленно приглядываться, и очень скоро выяснил, что эта дымка не совсем однородна – когда мать создаёт, например, шарик света, то дымка рядом как бы стягивается и формирует некую структуру. В целом это было довольно похоже на какую-то разновидность поля, хотя я не совсем понимал, отчего зависит его конфигурация и каким образом в нём создаются неоднородности. Поскольку никаких приспособлений мать не использовала, дело явно было в волевом усилии, но как она это делала? Палочкой она не махала, и бессмысленных слов не выкрикивала.

Постепенно я начал понимать принцип – нужно было выделить точку концентрации внимания, и стягивать поле в эту точку. Даже небольшое повышение концентрации дымки в выбранной точке требовало огромных усилий, и результатом обычно была сильная усталость, переходившая в сон. Но всё равно это был результат, и я был полон энтузиазма. Собственно, больше мне делать было практически нечего – мать работала, и я часто был предоставлен сам себе. Когда её не было дома, за нами приглядывала вторая женщина. Пригляд был неплотный, да и вообще с нами никто особо не нянчился. Не то чтобы о нас не заботились, просто мы были спокойными детьми, а у взрослых хватало других забот.

Здесь стоит рассказать об обитателях квартиры. Где-то месяцам к шести-семи я уже составил полное представление об окружающей обстановке и людях. Прежде всего, это моя мать, которую звали Милославой или просто Милой. Второй младенец оказался девочкой Леной, а её мать звали Натой. Жили мы все вместе в довольно приличной трёхкомнатной квартире – не нищета, но скорее благородная бедность. Непонятно, были ли мы родственниками или просто соседями, но причина совместного проживания была довольно очевидной. Мать и Ната работали, а мама ещё и училась – во всяком случае, она часто сидела за учебниками. Вдвоём у них получалось по очереди кормить детей и вообще присматривать. В общем-то, решение разумное – с приходящей няней мороки было бы гораздо больше, да и оставлять грудного ребёнка на чужого человека не каждый решится.

С языком, однако, было сложно, и это сильно мешало понимать многие вещи. Сам язык был явно родственным русскому, но помогало это мало. Это было похоже на то, как слышится украинская или другая славянская речь – ухо временами выхватывает знакомые слова, но в целом всё сливается в какое-то невнятное болботанье, в котором совершенно невозможно уловить какой-то смысл. Ещё в нём встречались дремучие архаизмы времён «Слова о полку Игореве».

ве» – «аки», «бьяше», «велми», и тому подобные. Приходилось учить язык практически с нуля, хотя, конечно, с китайским или японским было бы гораздо сложнее. С разговором дело обстояло ещё хуже, мой язык категорически не желал меня слушаться, и вместо членораздельной речи получался типичный бессмысленный детский лепет. Забавно, что у девочки с разговорной речью дело продвигалось поуспешнее. В общем, с маскировкой попаданца дело обстояло превосходно, выдать себя песнями Высоцкого у меня не получилось бы при всём желании.

С Леной мы практически постоянно были вместе, у нас даже коляска была двойная, как у близнецов. К тому же без меня она хуже засыпала и капризничала, так что мы очень часто спали рядом. Как-то месяцев в девять мы так же лежали рядом – она о чём-то болтала сама с собой, ну а я, как обычно, тренировался в управлении полем. Я уже уверенно создавал локальные концентрации поля, постепенно переходя к более сложным упражнениям по созданию форм. Вот и сейчас я немного закрутил поток, сделав шар, к которому сверху примыкали два сильно вытянутых эллипсоида. Неожиданно соседка засмеялась, ткнула в ту сторону пальцем, и счастливо выкрикнула: «Дая!», что, видимо, означало «заяц». От неожиданности я потерял концентрацию, и фигурка развеялась, вызвав протестующее хныканье. Лена насупилась, и шар снова начал неуверенно собираться. Тут я отошёл от удивления и начал помогать, и совместными уси-

лиями заяц был восстановлен во всём своём великолепии трёх овалов. С этих пор совместное собирание разных фигурок стало нашей излюбленной игрой, причём девчонка если и уступала мне, то совсем немного. Интересно, а как с этим дело обстоит у других детей?

* * *

Когда нам было три года, умерла Ната. Что произошло, я не знал – детям, естественно, никто не рассказывал. Уже позже я выяснил, что причиной был совершенно глупый несчастный случай из тех, что происходят гораздо чаще, чем мы думаем. Лена, по-моему, толком не поняла, что произошло, и со временем привыкла звать Милу мамой. А вскоре мама, наконец, закончила свою учёбу, мы стали жить побогаче и переехали в небольшой дом в хорошем районе.

В четыре года я довольно быстро научился читать, хотя что тут удивительного? Разбираться, куда я попал и чем этот мир отличается от моего, не кинулся – во-первых, у мамы таких книжек и не было, а во-вторых, зачем? Ясно, что мир отличается довольно сильно – и что мне даст факт, что тут не было, допустим, Наполеона? Да ничего совершенно. Мамины книжки я всё же пересмотрел, правда, ничего интересного там не обнаружил. В основном это были непонятные мне медицинские справочники, жутковатые анатомические атласы, да несколько женских романов. Их я прочитал – различия

с нашими совершенно никакой, только декорации чуть другие. Он утонул в бездонной синеве её глаз... грудь её с волнением вздымалась... он впился ей в губы обжигающим поцелуем... В конце дело неизменно заканчивалось свадьбой страниц на пятьдесят. Ради того, чтобы это прочесть, совершенно не стоило напрягаться с попаданием в другой мир. Женщина – это константа Вселенной, что тут ещё скажешь.

Тогда же я начал задумываться: для чего я тут, чего я хочу добиться, и в чём вообще смысл моего существования? После краткого знакомства с бабушкой у меня появилась идея фикс, что я должен быть достаточно сильным и способным защитить себя и своих близких. Однако несмотря на важность этой цели, на глобальную она никак не тянула. Для чего мне был дан второй шанс? Случайно ли так получилось, или же он был дан с какой-то целью? И если так, то что от меня ожидается? Типичную книжную чепуху насчёт спасения мира и поворота истории я не рассматривал вообще. Даже если у этого мира и есть какие-то проблемы, наши масштабы совершенно несопоставимы. Это выглядело бы чем-то вроде муравья, который пытается остановить наступление ледникового периода, утепляя хвоинками ближайший одуванчик. Никаких разумных идей в голову не приходило, и в конце концов я решил вернуться к этому вопросу позже, когда немного подрасту и пойму своё место в новом мире.

Глава 1

– Стой спокойно, – я пытался завязать шнурок на Ленкином ботиночке, пока она порывалась уже куда-то бежать.

Тут она вспомнила, куда мы собираемся, и настроение сменилось.

– Не хочу в лечебницу, – заявила она. – Там щиплетса.

– Надо немного потерпеть, да и не сильно там щиплетса.

Ты же хочешь быть умной и красивой?

– Я и так красивая!

– Но наверное, не очень умная.

– Сам ты дурак! – надулась.

– Вот я потому и не капризничаю, что хочу стать умным.

А ты такой и останешься.

Ленка замолчала и задумалась. С пяти лет мама начала проводить над нами разные процедуры. Сначала это были микстуры для укрепления костей, суставов, связок, сейчас к ним добавилось лежание в специальной камере, которое должно было увеличить скорость прохождения сигналов по нервной системе – во всяком случае, именно так я понял из предельно упрощённого объяснения. Полный курс из нескольких десятков разных процедур был рассчитан на двенадцать лет – если на взрослый организм повлиять было практически невозможно, то организм ребёнка вполне можно было улучшить осторожным воздействием по мере роста.

Процедуры стоили безумно дорого, требовали постоянного надзора целителя, и были очень мало кому доступны. Но у нашей мамы, младшего целителя княжеской лечебницы Живы Одаряющей, такая возможность имелась.

Наконец, мы покинули дом и, миновав небольшой палисадник, вышли на улицу.

Дом у нас очень скромный – по меркам аристократии, конечно: два этажа и сад соток в тридцать, с небольшим бассейном. К дому примыкал маленький тренировочный зал, рядом гараж и флигель, где жила семья слуг – тётка Арина, которая готовила и убирала в доме, и её муж, дядька Ждан, который ухаживал за садом, выполнял работу шофёра, ну и вообще на все руки. Мамина машина – большой седан, похожий на довоенный Хорьх. Ездил она на ней редко, и сама не водила никогда. Автомобили здесь, кстати, назывались самобегами, хорошо хоть не самобеглыми телегами. Впрочем, в бытовом обиходе, как и у нас, чаще использовалось слово «машина».

На первом этаже дома – гостиная, столовая, кухня, и ещё одна комната неопределённого назначения, в которой мама любила сидеть вечерами с каким-нибудь журналом. На втором этаже мамина спальня, кабинет, и наши с Ленкой комнаты. Её комната, правда, практически не используется – Ленка категорически отказывается там жить и постоянно перетаскивает свои куклы и книжки ко мне. Я уже так привык, что она всегда рядом что-то напевает своим куклам, что без

неё ощущал какой-то дискомфорт. Спала она тоже со мной, обнимая меня, как плюшевого мишку. Я пробовал тихонько уходить в другую комнату после того, как она заснёт, но от этого было только хуже – она вскоре просыпалась, осознавала, что меня рядом нет, и в слезах шла меня искать. Постепенно я смирился с ролью мягкой игрушки. Будь я и в самом деле полностью ребёнком, терпеть бы это, наверное, не стал, но у меня-взрослого это белобрысое чудо вызывало приступы острого умиления, так что в конце концов я сдался.

Район наш назывался Кропотов Луг – тихий, маленький, из небольших особняков с участками. Жили у нас люди приличного достатка, в основном дворяне. Отношения с соседями мы поддерживали хорошие, но вообще жили довольно уединённо. Мама была постоянно занята в лечебнице, и одновременно писала диссертацию. Сказать по правде, у неё и на нас-то времени не хватало. Одно время она собиралась взять няню, но меня идея быть под постоянным надзором постороннего человека в восторг не привела. У мамы я давно пользовался репутацией серьёзного и ответственного ребёнка, на которого можно положиться, так что хоть и с большим трудом, но всё-таки удалось её убедить, что мы прекрасно обойдёмся без няни. Мы с Ленкой тоже ни с кем особенно не общались – взрослые меня, естественно, не воспринимали, а играть со сверстниками в детские игры... взрослым я себя не назову, детский организм всё-таки здорово влияет, но не настолько же я ребёнок. Ну а Ленка ходила за мной хвостиком.

ком, и создавалось ощущение, что кроме меня, ей вообще никто не был нужен.

Ленка сунула мне в руку ладошку и с надеждой спросила:

– Леденец купим?

– Во-первых, от сладкого болят зубы и появляются прыщи...

– У-у...

– А во-вторых, обязательно купим, но только на обратном пути.

На углу столкнулись с дядькой Любомиром, нашим квартальным, который командует стражей нашего района. Был Любомир отставным ратником – воевал, был несколько раз ранен, потом счастливо женился и решил, что пора заканчивать бегать под пулями. К нам он всегда относился хорошо по причине нашей вежливости и отсутствия шкодливости – преступность в нашем районе отсутствовала, зато детвора, а особенно подростки, были для стражи постоянной головной болью. Возможностей воздействовать на дворянских отпрысков у стражи было немного, детки это чувствовали и использовали по полной.

Не так давно жена Любомира, Марьяна, заболела, но в лечебницу по какой-то причине обращаться не стала. Когда она начала умирать, а вызванный лекарь развёл руками, Любомир вспомнил о нашей маме. Мама выслушала его сбивчивые мольбы, молча собралась и отправилась к нему. В результате Марьяна пошла на поправку, а мы с Ленкой приоб-

рели верного друга в силовых структурах района.

Любомир небрежно отдал нам честь, а я в ответ вежливо приложил два пальца к виску. Любомир заулыбался – почему-то веселило его безмерно такое приветствие от шестилетнего клопа.

– Драсти, – пискнула Ленка.

– Здравствуй, егоза, здрав будь, воин (это мне, хе-хе). Гуляете? – прогудел он.

– В лечебницу идём, к маме, – доложились мелочь.

– Поклон передавайте госпоже Милославе от нас с Марьяной.

– Как она, выздоровела? – спросил я.

Любомир расцвёл.

– Уже вставать начала. Я ей запрещаю, да ведь разве удержишь.

– Передадим обязательно, дядька Любомир.

– Ну бегите давайте.

Мамина лечебница находится минутах в двадцати ходьбы от нашего дома – старинное трёхэтажное здание, украшенное барельефами, и целая россыпь корпусов отделений в большом ухоженном парке. Пускали туда только родственников больных и только в приёмные часы, но нас там хорошо знали, и сторож в вестибюле лениво махнул нам рукой – проходите, мол. Кабинет мамы был закрыт, и мы заглянули к дежурной сестре.

– А, Кеннер, – подняла она глаза от бумаг, – госпожа Ми-

дослава пока занята, подождёте полчаса у неё в кабинете. Пойдёмте, я вам открою.

Кабинет у мамы был совсем крохотный – стол, заваленный бумагами, полочка с медицинскими справочниками, небольшой диван. Ленка сразу же залезла на него и объявила:

– Играем в жу-жу!

Игра была непростой, требовала серьёзной концентрации и умения работать с полем Силы. Я практически всегда выигрывал, но частенько поддавался, чтобы мелкая не теряла интерес. Заключалась игра в том, чтобы создать жалящую искорку (которая обозначала пчёлку), и ужалить ею оппонента. Главная сложность была в том, что помимо управления своими искорками, нужно было почувствовать и вовремя развеять чужие, которые могли прилететь с любого направления. Ленка могла управлять тремя, а я четырьмя, но когда я создавал четыре, то автоматически побеждал, поэтому обычно ограничивался тоже тремя.

В первый раз я победил, во второй, немного поддавшись, проиграл. Третья, решающая битва была в самом разгаре, когда дверь открылась и в кабинет вошла мать. С одного взгляда она поняла, чем мы занимаемся и буквально побелела. Я тоже перепугался. Ленка, увлечённая и ничего не замечающая, вlepила мне свою жу-жу прямо в лоб и счастливо засмеялась.

– Кеннер! – такое обращение ничего хорошего не сулило,

а от тона матери меня просто пробрала дрожь. – Кто это видел?

– Никто, – я искренне не понимал, что случилось.

– После процедуры вы сразу идёте домой и ждёте меня.

– Хорошо, мама.

– Ты меня понял? Из дома никуда!

– Да, мама, я всё понял.

Больше мы не разговаривали. У матери явно не было настроения что-то обсуждать, Ленка тоже почувствовала напряжение и помалкивала, только смотрела на нас испуганными глазами. Я терялся в догадках, но спросить ничего не решался.

* * *

После ужина, тоже проходившего в напряжённом молчании, мать позвала меня в кабинет.

– Так, садись и рассказывай. Кто-нибудь видел, как вы с Силой играете?

– Никто не видел, – хмуро ответил я. – А что случилось-то?

Мать задумалась, ей явно не хотелось ничего объяснять. Наконец, она вздохнула и решилась.

– Если Ренские узнают, что ты одарённый, тебя у меня могут отобрать.

– Какие ещё Ренские? – я был в шоке. – Как отобрать?

– Сложно объяснить, – вздохнула она. – Тебе, вообще-то, рановато всё это рассказывать, многого не поймёшь.

– А что, лучше ничего не знать? – возразил я. – Расскажи, а если чего-то вдруг не пойму, то спрошу.

Мать глубоко задумалась; я терпеливо ждал.

– Ну хорошо, расскажу, – неохотно согласилась она. – Твоя бабка Ольга, моя мать – она Мать рода Ренских. Я была наследницей и должна была стать следующей Матерью. Ну, мама так хотела, я не очень. Я тогда уже до девятого ранга добралась...

– До чего добралась? – не понял я.

– Я же говорю, не всё поймёшь, – вздохнула она. – Неважно, потом узнаешь. Так вот, я там влюбилась в бездаря, ты на горизонте наметился. Матери поломала все планы. Мы с ней тогда много лишнего друг другу наговорили, и дело кончилось тем, что она меня из рода изгнала. Я взяла фамилию бабушки, поэтому мы сейчас Арди, а не Ренские. Ну а с тобой всё просто – одарённых мальчиков мало рождается, даже когда оба родителя одарённые. Если род узнает, что ты одарённый, да ещё так рано Силу принял, они, скорее всего, попытаются тебя к себе забрать.

– И что, смогут ребёнка у матери отнять? – усомнился я.

– Если по закону, то нет, конечно. Я тебя уже после изгнания родила, как Арди. Ты Ренским ни минуты не был. Но это по писаному закону, а судья может и по-другому решить. У сильного рода много возможностей в свою пользу закон со-

гнуть. Князю услугу какую-нибудь пообещают, или ещё что-нибудь.

– А зачем я им вообще?

– Как бы тебе попроще объяснить... – мать задумалась. – Вот смотри: если мать одарённая, а отец – бездарь, то из десяти детей одарёнными родятся только двое, а восемь будут бездарями. А если оба родителя одарённые, тогда наоборот – восемь будут одарёнными и только двое бездарными. Одарённые мальчики рождаются редко, поэтому одарённых мужчин не хватает. Роды всячески пытаются их себе заполучить – обычно просто заманивают, конечно. А вот если есть возможность, как с тобой, силой к себе затащить, то могут и попробовать.

– Так что, – не понял я, – мне теперь надо всю жизнь прятаться?

– Нет, конечно. В четырнадцать лет у одарённых первое совершеннолетие, ты будешь считаться ограниченно дееспособным, ну, это значит, почти взрослым. Уговаривать и завлекать могут, но просто взять и забрать уже не получится. Там уже потребуется согласие самого ребёнка.

– А с Леной что?

– А её князь может забрать в княжеский приют. Мне её удочерить позволили только потому, что она никому не интересна была. Ната была бездарной, и отец у неё тоже был бездарь, а у бездарных пар одарённые дети очень редко рождаются. Вот, кстати, интересно – откуда же у Лены дар про-

резался? У Натки в роду вроде все бездарными были...

Есть у меня кое-какие догадки, мама, но ими я с тобой, пожалуй, делиться не буду.

– В общем, если узнают, что у неё так рано сила проснулась, то удочерение могут и отменить. Князю ведь сильные Владеющие тоже пригодятся. А я для князя непонятно кто – то ли совсем с родом порвала, то ли завтра помирюсь.

– А ты можешь помириться?

– Нет! – глаза её гневно сверкнули. – Я матери никогда не прощу, что она тебя убить хотела.

– Как это убить хотела? – в недоумении переспросил я.

– Я ещё беременная была, когда она меня от Аспекта отлучила, не стала ждать, когда рожу. Дети такое очень плохо переносят, бывает, что и мёртвыми рождаются.

– Так ведь не убила же, – возразил я. – Может, она об этом вообще не подумала.

Тут мне пришла в голову мысль: а ведь может быть, и убила. Кто знает – я на своём месте, или же вместо кого-то поселился? С мамой я этого обсуждать не буду, конечно, да и сам думать на эту тему не хочу. Выжил, и точка.

– А сколько я пережила, пока не убедилась, что ты живой и не овощем родился!? Всё, не хочу про это говорить, нечего тут обсуждать!

Мама помолчала успокаиваясь.

– Кени, ты мне вот ещё что скажи – вы давно с Леной вместе с Силой играете?

– Да сколько себя помню, всегда играли.

– Всё ясно теперь, – задумчиво покивала она. – Я-то давно эти странности заметила, вот только понять не могла, в чём тут дело. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Ну, ничего тут не изменишь, придётся теперь с этим жить. Ты только не пугайся, здесь ничего плохого нет, просто слишком рано это случилось. А так-то люди с этим нормально живут.

– Да что такое-то? – запаниковал я.

– Ты же знаешь, кто такие близнецы? Как наши девочки-соседки, Марта с Гертой. У близнецов часто встречается связь душ, особенно когда оба близнеца одарённые. Такие близнецы между собой очень близки, разлуку плохо переносят, бывает даже, что понимают друг друга без слов. Так вот, если Владеющие долго вместе живут или работают, и совместно Силу используют, то у них души тоже как бы настраиваются друг на друга. Вот это и называется «связью душ» или ещё «синдромом близнецов».

– И что потом?

– Потом женятся чаще всего, – засмеялась мама, – если до того не женаты были. И если не родственники, конечно.

– А если не хотят жениться?

– Тогда до этого не доводят. Это же не сразу происходит, для этого несколько лет нужно.

– А если две женщины? Ну, или двое мужчин?

– Кхм, рано тебе, ты этого пока не поймёшь. – «Ошибаешься, мама, ещё как пойму». – В общем, ты не пугайся, но

похоже, что у вас с Леной какая-то связь уже образовалась.

Тут до меня постепенно начало доходить – а если бы вместо Ленки был мальчик? Или она была бы родной сестрой? Или... БРАТОМ? Мне стало дурно. Должно быть, у меня на лице эти мысли отразились, но мама моё перекошенное лицо истолковала неверно.

– На самом деле в этом ничего страшного нет, – попыталась успокоить меня она. – У одарённых в семьях так ведь и происходит обычно, просто у вас как-то очень уж рано это проявилось.

Ну, я как бы и не против, это и в самом деле не так уж страшно, особенно по сравнению с другими возможными вариантами. Но надо иметь в виду, что с Силой шутить не стоит – свяжет тебя с козой, будешь всю жизнь бляеть.

– Непонятно только, почему в вашей паре ты главный, – задумчиво сказала мама. – В таких парах обычно девушки ведут, они всегда сильнее. Может, потому что ты старше? – «Ага, на целых два месяца». – Всё равно, странно это.

Да ничего странного, мама. Я сильнее Ленки, а главное, моя взрослая психика гораздо лучше развита. Но опять же, тебе это знать совершенно незачем.

– Значит, так. Ты всё и сам понимаешь, а с Леной я поговорю. Ты за ней тоже приглядывай. Я подберу упражнения для начинающих, будете всерьёз заниматься. Игры свои не бросайте, это полезно, но если придумываешь игру, сначала показывай её мне. И чтобы посторонние ничего не видели,

пока вы младшую школу не закончите.

– Я всё понял, мама, не беспокойся, – заверил её я. – А ещё мы Любомира встретили, он поклон передавал.

– Про Марьяну ничего не говорил?

– Сказал, что встаёт уже.

– Ну и славно, – мать покачала головой, – вот же дура баба. Вовремя бы в лечебницу пошла, её бы и класть не стали. Хорошо хоть додумались меня позвать, а так бы и померла. Ну ладно, иди уже, собирайтесь там ко сну.

Озадачила мать меня крепко, и ушёл я задумчивый. Если повспоминать наши с Ленкой отношения, то и в самом деле, они сильно выходят за рамки обычной детской дружбы или отношений брат-сестра. Взять хотя бы то, что она всегда тянется за мной, что бы я ни делал. И наоборот – Ленка любит рисовать, и я тоже увлёкся рисованием, хотя в прошлой жизни рисовал как курица лапой и к рисованию никакой склонности не испытывал. Тут я нервно прислушался к себе: нет, поиграть в куклы вроде не тянет.

Ну и, конечно, тот факт, что мы всегда вместе, и друг без друга чувствуем себя очень неуютно. Это уже серьёзное подтверждение, потому что обычно у брата с сестрой так не бывает, они, скорее, наоборот, постоянно ссорятся. У нас же я не то что ссор, даже каких-то споров не припомню. Видимо, надо и в самом деле привыкать к тому, что с будущей женой у меня уже сейчас полная ясность.

Хорошо это или плохо? С одной стороны, немного напря-

гает такая предопределённость. Но если посмотреть с другой, то среди аристократов вообще принято сговариваться о браке буквально с пелёнок, и ничего, живут, и нередко даже счастливо живут. Да и чем плохо, когда жена тебе абсолютно верна и разделяет все твои увлечения?

* * *

Только я лёг в постель, как в комнату с топотом ворвалась Ленка, запрыгнула ко мне и выдохнула: «Рассказывай дальше!». Каждую вечернюю сказку она ожидала с ужина и слушала её, затаив дыхание и тихо повизгивая от сладкого ужаса в самые напряжённые моменты. Храбрая девочка Лена, перенесённая ураганом с Валдая в волшебную страну, вместе с верными друзьями шла в Изумрудный город по дороге из жёлтого кирпича¹. Идти ей предстояло долго – хотя в запасе были ещё Незнайка и Карлсон, вечеров впереди было много, и я был твёрдо настроен расходовать истории экономно.

* * *

Постепенно мама стала нагружать нас больше и больше. Минимум два часа в день нам приходилось заниматься скуч-

¹ Главный герой слегка адаптировал повесть А.М. Волкова «Волшебник Изумрудного города».

ными упражнениями на концентрацию и уплотнение Силы. К тому же добавились физические упражнения – мы стали вместе с мамой бегать по утрам. Пока только один круг вокруг квартала, но для шестилеток это было очень немало. Ленка капризничала и ворчала, но бежала дисциплинированно. Потом мы с пыхтеньем бежали в душ, а мама продолжала свои утренние двенадцать кругов.

Как-то раз за завтраком, мама как бы между делом сказала:

– Вам пора фехтованию учиться и всему прочему. Я договорилась насчёт учителей для вас, будете заниматься.

– А зачем нам фехтование? – удивился я.

– Как зачем? – в свою очередь, удивилась мама. – Ты же дворянин, тебя могут и на дуэль вызвать. С шести лет дворян и начинают фехтованию учить.

– А мне тоже надо? – влезла мелкая.

– Конечно. Ты ведь тоже дворянка. Я как тебя удочерила, так тебя сразу в реестр и вписали.

Это Ленку полностью удовлетворило. Ей по большому счёту было всё равно чем заниматься – главное, чтобы со мной вместе.

– Мама, я всё равно не понимаю, – для меня вся идея выглядела какой-то средневековой, что-то из кинофильма про трёх мушкетёров, – если, допустим, мы Владеющие, то зачем нам шпагой махать?

– Дворяне обычно не владеют Силой. Поэтому дуэли про-

ходят только на шпагах, Силу использовать запрещено. Ты можешь быть хоть Высшим, но если фехтовать не умеешь, то про тебя будут говорить, что ты в коровнике своё дворянство выслужил. Ну и извиняться придётся всегда. Кто такого уважать будет?

Что-то сомневаюсь я, что можно так просто вызвать на дуэль кого-то из Высших. И даже если найдётся такой не в меру отважный идиот, совсем не факт, что этот вызов будет принят. В моём старом мире любой дворянин тоже теоретически мог вызвать на дуэль хоть министра, но практически он просто выставил бы себя клоуном. И это в лучшем для него случае, когда министр воспринял бы подобный вызов с юмором.

Впрочем, для ребёнка такие соображения выглядели чрезмерно умными, так что высказывать их я не стал, а вместо этого спросил:

– И что, вот так можно вызвать любого на дуэль и убить?

– Нет, конечно, серьёзный повод нужен. Дуэльный комитет решает, стоит ли повод дуэли. Может заставить извиниться вместо дуэли или просто не разрешить. А дуэль до смерти очень редко разрешают, я такого и не припомню.

– Так ведь можно и случайно убить.

– Будут расследовать и до правды всё равно докопаются. Если действительно случайно, можно ссылкой отделаться, а если нарочно – казнят.

Чувствовалась продуманная система. Мне, как человеку

двадцать первого века, дуэль всё равно казалась анахронизмом, но что-то в этом было.

– Мама, я вот ещё что спросить хочу, – нужно пользоваться случаем, раз уж мама разговорилась, – а почему мы дворяне, если нас из рода изгнали?

– А это здесь при чём? – удивилась она. – Дворянства может только князь лишить, а ему на наши размолвки с родом плевать с высокой башни. Да даже если бы мы дворянами и не были – мне этой зимой на седьмой ранг сдавать, я Старшей стану. А это сразу потомственное дворянство.

– А что вообще дворянство даёт?

– Ну ты и спросил, – задумалась мать. – Даже не знаю, как ответить, чтобы тебе понятно было. Много даёт, и многого требует. Дворянин налоги не платит, правда, только личные. С предприятиями сложнее, я там и сама деталей не знаю. Недвижимость и землю дворянин покупает без ограничений. Ещё обычный суд его судить не может. Много чего ещё по мелочи.

– То есть как судить не может? – поразился я. – Убил мещанина и ходишь дальше спокойно?

– Примерно так, – мать засмеялась, – но не совсем. Обычный суд не может судить, зато Суд Чести может и судит. Но судят они по-разному. Вот представим, что мещанин на тебя в драку полез и тебя ударил, а ты его убил. Будь ты тоже мещанин, пошёл бы в тюрьму, а дворянина могут и оправдать.

Или виру² небольшую заплатишь. Но только если он на тебя действительно напал. Ещё бывает наоборот, мещанин может годом тюрьмы отделаться за то же самое, за что дворянина казнят. Потому что тот дворянскую честь замарал.

– Ты ещё сказала, что дворянство многого требует?

– Многого, да. Должен князю служить, а если не служишь, обязан содержать того, кто вместо тебя будет служить. Если война, обязан воевать, откупиться уже не получится. Не можешь перепродажей заниматься, только своё производство. Не можешь деньги в рост ссужать, то есть акциями банка, к примеру, дворянину владеть невместно. Ну это тебе пока сложно понять, потом сам разберёшься, там много всего. Есть такая книжка, называется «Древо Чести Благородной», вам её ещё наизусть учить придётся.

– А Владеющие все дворяне?

– Нет, из простолюдинов многие отказываются от дворянства, когда ранг получают, – ответила мать. – Права-то все любят, а вот обязанности не всех устраивают. Но отношение к таким не очень хорошее, и уважения им сложнее добиться.

Здесьнее общество и без сословности оказалось совсем непростым. Например, я никак не мог понять даже такую, казалось бы, очевидную вещь, как отношения полов. С первого взгляда они представлялись довольно похожими на отношения в моём старом мире – женщины здесь в основном предпочитали заниматься семьёй, но женщины, занимающиеся

² Вира – мера наказания, обычно в виде денежного штрафа.

карьерой, были не редкостью и никакого осуждения не вызывали. Ситуация, однако, сильно осложнялась, когда в рассмотрение включались роды. Непонятно было вообще, что именно делает род родом и чем род отличается от обычной дворянской семьи, но самое главное – каждый род управлялся Матерью рода. Означало ли это матриархат? Моя мать, выходец из рода, которую с детства готовили в Матери, никаких матриархальных привычек не проявляла. Напротив, она находила совершенно естественным, что, например, в семье наших слуг главой является мужчина. С другой стороны, она несколько раз отзывалась о мужчинах с изрядным презрением. Меня такая двойственность сбивала с толку, но я не представлял, как можно попросить разъяснить это, не выходя из образа ребёнка. Точнее говоря, не сильно выходя – мать, похоже, уже смирилась с моими вопросами, но всё же лучше было с этим не перегибать.

* * *

Прихватив у Арины по пирожку для себя и Ленки, я вышел во двор. Ленка во что-то играла с соседскими девчонками, и оттуда периодически доносился пронзительный визг. Отчего девчонки всегда так визжат? Идти туда не хотелось, и я, доев свой пирожок, принялся за Ленкин. Дверь гаража была распахнута настежь, а изнутри слышалось звяканье каких-то железок. Немного подумав, я решительно двинулся к

гаражу.

Дядька Ждан, открыв капот маминой машины, что-то ковырял в моторе. Я подошёл вплотную, и встав на цыпочки, заглянул туда. Мотор выглядел странновато. Я не специалист в автомобильных моторах, но обычно могу распознать основные компоненты. Здесь же я не мог идентифицировать ничего, кроме собственно блока цилиндров.

– А что ты делаешь, дядька Ждан? – если непонятно, надо спрашивать. Тупые вопросы от ребёнка – это нормально.

– Техническое обслуживание делаю, – рассеянно отозвался дядька Ждан, сосредоточенно крутя какие-то болты. – Раз в полгода положено конвертор с сепаратором чистить.

Что-то не припомню я в двигателях внутреннего сгорания никаких конверторов. Да и с сепараторами тоже не вполне ясно.

– А что это такое?

– Тебе что, в самом деле интересно? – глянул он на меня. – Тебе же непонятно будет.

– Я пойму, – упрямо отозвался я.

– Ну смотри, могу и рассказать. Если скучно будет слушать, скажешь, – согласился дядька Ждан. – Ты же знаешь, что в машину надо спирт заливать, чтобы она ездила?

Знаю ли я, что в машину надо заливать спирт? Интересная концепция. Насколько я знаю, чаще спирт заливают в водителя. А в книжке про Незнайку, помнится, машины ездили на газированной воде с сиропом. Про газировку я всё

же решил не упоминать.

– Только спирт можно? – вместо этого спросил я.

– В том-то и дело, что не только, – дядька взглянул на меня с уважением. – Что угодно можно, лишь бы хоть как-то горело. Ну, не совсем так, там немного сложнее. Но очень многое можно, хоть растительное масло. Вот для того, чтобы машина ехала нормально на чём угодно, и нужен конвертор.

Он замолчал, отвлѣкшись на закручивание очередного болта.

– Но госпожа Милослава не крохоборничает, мы всегда только спирт льѐм. У нас и чистить-то ничего не надо, я больше для порядка обслуживание делаю. А вот взять соседа нашего, Сиротина – самобег купил роскошный, всё в хrome, а льѐт туда ради экономии что попало. Водитель их, Фѐдор, рассказывал, что он как масло меняет, хозяин приказывает на отработанном масле ездить. Купчишки! – сплюнул Ждан с презрением. – Хоть миллион заработают, а всё равно за веверицу³ удавиться готовы. Фѐдор говорил, каждые три месяца чистить приходится, грязь чуть не лопатой выгребает.

– А для машины всё равно, что ли, что туда заливают? – удивился я. – Ну, кроме того, что чистить надо.

– Нет, конечно, не всё равно. Человека ведь если всякими отходами кормить, здоровья ему это не добавит, верно? Вот и с самобегом то же самое. Просто Сиротин к тому времени свой самобег уже продаст, а покупатель и не поймѐт, что

³ Самая мелкая монета, 1/12 векши.

машина убитая, возраст-то у неё небольшой. Торгашу ведь обмануть в радость. Ему даже не деньги нужны, а надуть кого-то приятно.

– А сепаратор зачем?

– А когда топливо сгорает, дым-то чистить ведь надо? От спирта почти ничего не идёт, а с отработанного масла знаешь, сколько вони будет? Вот сепаратор всякую пакость и отделяет.

– А без него машина ведь поедет?

– Поедет, только недалеко, – засмеялся дядька Ждан. – Дальше квартала не уедет, первый же стражник остановит.

– И что потом?

– Для начала штраф. На второй раз большой штраф. А на третий раз суд будет. Ну, если как у нас, на чистом спирту ехать, то, может, и без сепаратора не остановят. Но всё равно нехорошо людей травить.

– А как они внутри устроены?

– Этого не скажу. Это же артефакты, их Владеющие делают. Я даже раскручивать не пробовал, не дай боги, сломаю. В хорошем самобеге, как вот в нашем, чуть не половина узлов артефактные, туда лезть не стоит.

Дядька Ждан захлопнул капот и любовно протёр его чистой тряпочкой.

– Всё понял-то? – с улыбкой спросил он меня.

– Многое, – уклончиво ответил я.

Весна уверенно начинала переходить в лето. Мы постепенно втянулись и в упражнения с Силой, и в утренние пробежки, и в занятия фехтованием три раза в неделю. Как-то за завтраком мама сказала:

– Кени, Лена, сегодня к концу моего дежурства подойдёте ко мне в лечебницу.

– А зачем? – удивился я. С процедурами у нас сейчас был плановый перерыв на три месяца, и мы только раз в пять дней пили довольно мерзкие на вкус коктейли.

– Попробуем хотя бы примерно измерить ваши характеристики силы, в лечебнице есть кое-какие приборы.

Замеры оказались довольно занудным занятием – удерживать шарик света на месте, гонять его по кругу, отбивать летящий шарик в указанное место и тому подобные упражнения, немного похожие на простейшие аркадные игры. Наконец, с замерами закончили, мама упаковала в сумку стопку заполненных бланков, и мы все двинулись домой. Обработывала мама данные несколько дней, что-то подсчитывая и рисуя графики, и в конце концов позвала меня в кабинет.

– В общем, по основным показателям результат такой, – мама достала исчерканную бумажку. – Плотность у Лены по второму рангу, у тебя немного больше, но тоже второй. Объем у обоих на первый ранг. Контроль у Лены двойка, а у тебя

целая тройка.

– А это много или мало?

– Для шестилетних-то? Очень много, очень. Ненормально много. Для вашего возраста и первый ранг ненормально. А контроль у вас – это вообще что-то запредельное. Когда меня отлучили, я до четвёртого ранга откатилась. Со вторым-третьим рангом поступают в Академиум, четвёртый-пятый ранг – это выпускник Академиума, так что сам прикидывай. Но сейчас главное, чтобы развитие продолжалось, а то ведь бывает, что сначала всплеск, и на этом всё заканчивается. Вам никак нельзя останавливаться с тренировками. Если развитие затормозится, то потом его уже будет не разогнать.

В принципе, большой неожиданности в таком результате для меня не было – я уже давно пришёл к определённым выводам о причинах своего раннего развития. Главную роль сыграло моё видение Силы – хотя неясно, было ли это связано с памятью о коридоре света, или же такое видение было присуще всем младенцам. В пользу последнего предположения говорило то, что Лена тоже увидела Силу, но это могло быть и следствием нашей близости. В результате и раннее осознание себя, и тренировки с младенческих лет дали ожидаемый результат.

– А какой показатель самый важный?

– Смотря для кого. Для целителя главное контроль, вы уже сейчас могли бы помощниками целителя работать, если бы дар был, конечно. Хотя для целителя ранг вообще мало

значит, главное, дар иметь. Мой наставник всего седьмой, но считается одним из сильнейших. Для воина важнее объём и плотность. Для ремесленника – контроль и немного плотность. – Мама пристально на меня посмотрела. – Кени, ты понимаешь, что всё это не делает вас Владеющими?

– Понимаю. Знания и опыт нужны.

– Хорошо, что ты это понимаешь, – улыбнулась мама. – Умный ты у меня.

– Мне приходится быть умным, – пробурчал я, – у меня две женщины на руках.

Мама захохотала, схватила меня в охапку, и начала тискать.

– Ну что такое! – возмущённо завопил я. – Что за привычка меня тискать, как игрушку!

– Ладно, ладно, не сердись, больше не буду. Очень уж трудно удержаться. – Мама поцеловала меня в макушку. – А Леночке лучше про результаты не говори – ты-то посерьёзнее, а она совсем ещё ребёнок, может и похвастаться перед кем-нибудь.

Глава 2

Лето постепенно шло к концу, и нагрузки у нас ещё прибавилась. Стало больше физических упражнений, и к тому же мы начали заниматься развитием эмпатии. Как сказала мама: «Это мало у кого получается, но у вас может выйти, хотя бы друг с другом». Разные тренировки занимали заметную часть нашего времени, и в конце концов мать вспомнила о развлечениях, здраво рассудив, что дети не могут непрерывно учиться. В один из выходных она заявила:

– Сегодня поедem в визион.

– А что это?

– Я знаю, – влезла Ленка. – Марта с Гертой там были, хвастались. Они вообще задаваки.

– И что там? – спросил я.

– Долго объяснять, – она снисходительно махнула рукой. –

Сам увидишь.

Всё ясно – сама толком не поняла, о чём девчонки хвастались. Мать прятала улыбку.

Визион оказался чем-то вроде пафосного кинотеатра. Бархат и позолота, дети с родителями сидят за столиками, официанты разносят закуски и напитки. Всё включено в стоимость билета, заведение явно не для бедных. Я ожидал чего-то грандиозного, однако всё оказалось гораздо проще – на большой экран проецировалась картинка, чтец зачитывал

текст, всё это сопровождалось игрой на клавире⁴. Потом картинка менялась. Я был совершенно разочарован, но очень скоро мне пришлось изменить своё первоначальное мнение. Стоило только внимательно всмотреться и вслушаться, как всё преобразалось. Картина на экране приобретала выпуклость и цвет, наливалась жизнью и буквально затягивала в себя зрителя. Создавалось полное ощущение присутствия – цвета, звуки, запахи, всё давало чувство реальности повествования. Это больше не было статичной картинкой на экране – я действительно стоял в настоящем летнем лесу, а другие зрители ощущались как что-то неясное где-то на грани восприятия. Какая-то магия здесь, несомненно, присутствовала.

Маленькие зрители, включая Ленку, были в полном восторге. Давали героическую историю, где звери защищали свой лес от подлых захватчиков, в роли которых выступали довольно отвратительного вида свиньи в каких-то тевтонских шлемах. Псов-рыцарей, то есть свиной-рыцарей, в конце концов с позором изгнали, вызвав у публики бурное ликование.

Жаль, что этот мир ещё не дорос до братьев Люмьер, представляю, какое потрясающее три-дэ сделали бы здесь из обычного фильма. Изобрести синематограф, что ли – попаданец я или тварь дрожащая⁵? Вот только не знаю, как эти

⁴ Клавишный музыкальный инструмент, похожий на фортепиано.

⁵ Главный герой переиначил фразу из романа Ф.М. Достоевского «Преступле-

самые киноплёнки устроены, а то непременно ошарашил бы местных продвинутой технологией.

Надо сказать, что я много времени посвятил раздумьям о перспективах прогрессорства. Дело в том, что хотя с первого взгляда и казалось, будто я получил немало роялей из кустов, каждый мой подарок был, как бы это сказать, слегка с гнильцой. Мать – аристократка, но изгнанная, с другими аристократами контактов не поддерживает, и к тому же в плохих, если не сказать враждебных отношениях с Матерью сильнейшего рода. Вхождению в столичное общество это, мягко говоря, не способствовало. Да, моя семья обеспечена, но эта обеспеченность базируется исключительно на личных доходах матери. Довольно больших доходах, но случись с ней что-то, и всё благополучие растает как дым. То есть деньги у семьи водятся, а вот состояния нет. С моей силой вопрос также не совсем ясен – развитие, в принципе, может остановиться в любой момент, а мой текущий уровень не дотягивает даже до минимального ранга Владеющего. Конечно, родись я в крестьянской семье, ситуация была бы не в пример хуже, но всё же понимание, что карета в любой момент может превратиться в тыкву, порядком нервировало. Мне хотелось бы иметь более надёжную основу.

Использование изобретений моего старого мира просто напрашивалось, но в конечном итоге мне так и не удалось придумать, как извлечь из этого хоть какую-то пользу. Ме-

лочи вроде замка-молнии или складного ножа здесь благополучно придумали и без умного меня. Что-то же посерьёзнее выглядело совсем безнадежным. К примеру, я неплохо знал устройство биполярного транзистора, но был не в состоянии превратить это знание в комплект технологической документации. К тому же производство полупроводников базировалось на огромном числе непростых технологий, начиная от зонной плавки и кончая фотолитографией, которые, в свою очередь, основывались ещё на чём-то и так далее. Развить целую группу отраслей было далеко за пределами возможностей одного человека, даже если представить, что найдётся сумасшедший, готовый эту безумную затею профинансировать.

Однако и более-менее подходящие под текущий технический уровень вещи также не выглядели перспективными. Например, я в общих чертах представлял себе устройство дизельного двигателя, но не знал устройства многих важнейших частей, да и вообще мои познания были на уровне картинки из популярной книжки. Всё то, что я знал, легко мог придумать любой инженер-двигателист. Единственным моим преимуществом было точное знание, что это направление не тупиковое, но заинтересовать нужных людей голой идеей было совершенно нереально, а изготовить хотя бы действующий макет было не в моих силах, и я это осознавал с полной ясностью.

В конце концов я пришёл к выводу, что идея прогрессор-

ства – это полный бред, годный лишь для написания фэнтези. Каждый мир развивается по собственному пути; если какое-то изобретение находится в рамках этого магистрального пути, его сделают и без попаданца. Можно вписаться и снять немного сливок, но для этого слишком многое должно совпасть: запрос общества на нововведение, достаточно полные знания именно по этому вопросу, а главное, способность убедить нужных людей, что ты можешь выдать реальный и востребованный продукт. Или же нужно быть одновременно гениальным организатором, гениальным финансистом и гениальным инженером. Может быть, такие люди и существуют, но это явно не мой случай.

Окончательно меня убедило в этом выводе знакомство с местной авиацией. Сначала я считал, что воздухоплавание здесь представлено лишь медлительными грузовыми и грузопассажирскими дирижаблями. Но однажды в выходной мать взяла нас на аэродром смотреть демонстрационные полёты, и я с большим удивлением обнаружил, что авиация тяжелее воздуха в этом мире всё-таки присутствует. Здешние самолёты представляли собой «рус фанер» в самом примитивном варианте, и были дорогой игрушкой для экстремальных спортсменов, примерно как мотodelтапланы в нашем мире. О пассажирской авиации речи не шло вообще – мать порядком удивилась моему вопросу, заявив, что сразу столько сумасшедших найти будет слишком сложно.

Подумав немного, я понял, что причина здесь в отсут-

ствии военной авиации. В нашем мире именно она обеспечила отработку технологии и позволила в конце концов создать более или менее надёжные летательные аппараты. Лишь потом они начали постепенно внедряться в гражданскую жизнь. Но когда я завёл с матерью разговор о том, что можно с высоты бросать на врага что-нибудь взрывающееся, вроде бочонка с порохом, она снисходительно потрепала меня по голове и объяснила глупому малышу:

– Понимаешь, Кени, даже я, целитель, совершенно невоенный человек, легко сниму эту тарихтелку с любой высоты. Например, создам у неё перед носом локальное разрежение Силы. Техника плохо выдерживает резкие перепады Силы – у неё или мотор заклинит, или крылья отвалятся, или ещё что-нибудь сломается. А тому, что она сбросит, я не дам даже до земли долететь.

Авиация была хорошим примером того, как условия мира определяют путь его развития. Кстати, позже я понял, что идея с транзисторами тоже была нежизнеспособной – хотя простые и грубые технические конструкции в этом мире работали, что-то более сложное сбило из-за естественных колебаний поля Силы. Заставить надёжно функционировать приборы, основанные на квантовых эффектах, такие, как полупроводники, было практически невозможно.

На том и закончились мои мечты двинуть этот мир по пути его прогресса и моего процветания. Разумеется, если подвернётся возможность «изобрести» что-то простое и востре-

бованное вроде замка-молнии, я такой возможностью непременно воспользуюсь. Но как основа для обустройства моей жизни прогрессорство явно не подходило.

В целом, этот мир местами производил очень странное впечатление смеси времён. Помнится, меня просто потрясла огромная телега, которую тащил здоровенный битюг, но при этом колёс у телеги не было, и она парила над землёй на уровне полуметра. Мир в чём-то напоминал девятнадцатый век, но девушки ходили в мини-юбках, а одежда и поведение людей были скорее характерны для моей прошлой современности. Автомобилей – причём примитивных – было довольно мало, мобильных телефонов не было вовсе, но при этом люди жили лет до ста пятидесяти, рак лечился амбулаторно, и даже в бедных кварталах на лицах не было печати безнадёжности. Какой мир я бы предпочёл, будь у меня такой выбор? Не уверен, что свой...

* * *

Летом произошла ещё одна история, которая немного добавила мне понимания этого мира. Мы с мамой поехали за покупками, а Ленка осталась дома одна. Представившейся возможностью она решила воспользоваться на полную. Взгромоздив на стул табуретку, она залезла в шкаф и вытащила баночку земляничного варенья, но не смогла удержать её в руке. Банка упала и разбилась. Ленка в панике сбежала

в свою комнату, а когда мы вернулись, и началось разбирательство, выдала дичайшую историю про землетрясение (мы как раз только что прочитали детскую книжку про вулканы и землетрясения), от которого дом шатался, и банки с вареньем вылетали из шкафов. Тот факт, что на кухне так и осталась стоять конструкция из стула и табуретки, рассказчицу не смутил.

Я до этого никогда не видел маму такой сердитой. Ленку она отругала так сурово, как не ругала нас никогда. Та перепугалась и зарыдала. Тут, наконец, и пробудилась эмпатия – на меня нахлынула такая волна детского горя и отчаяния, что я кинулся её утешать. Мама следом. Ленке для утешения была выдана другая баночка с вареньем, которое она ела, шмыгая носом и размазывая по лицу слёзы пополам с вареньем.

Когда она, наконец, успокоилась, мама принялась ей объяснять:

– Понимаешь, Леночка, мне не жалко для тебя варенья. Если бы ты не начала врать, я бы тебя и ругать не стала. Тебе нельзя говорить неправду никогда, даже в мелочах. Будешь врать – потеряешь силу, станешь бездарной.

– Как такое может быть? – тут уже удивился я. – Сила что, следит за этим?

– Нет, Силе до этого дела нет. Тут другое. Когда ты управляешь Силой, у тебя должна быть полная уверенность, что всё получится. У Владеющего каждое действие и каждое сло-

во есть абсолютная истина, в которой не может быть никаких сомнений. Говоря неправду, ты подрываешь свою уверенность. Ты начинаешь приучать себя к мысли, что твоё слово может быть не истиной, а просто пустым звуком, понимаешь?

– То есть Владеющий всегда говорит только правду?

– Я думаю, Высшие – всегда, ложь им слишком дорого обойдётся. Если Высшая тебе что-то сказала, можно смело считать, что это правда. Но там надо, наоборот, смотреть, что она не сказала. Врать она не станет, но она может умалчиванием подвести тебя к какой-то мысли. Есть много способов заставить человека самого себя обмануть. А низкоранговые, конечно, могут иногда и соврать. Не все же хотят развиваться – это сложно, надо много работать, а каждый следующий ранг даётся всё тяжелее. Вот такой находит себе тёплое место, и всё, ему больше ничего не надо, у него всё хорошо. Но есть всем известный факт – тот, кто врёт, хоть иногда, хоть в мелочах – никогда не поднимется высоко. Не хотите говорить правду – лучше просто молчите.

После этого события у меня немного сдвинулось дело с эмпатией. Точнее, я начал понимать, как она работает. Чужие эмоции воспринимаются как свои, и самое сложное было в том, чтобы определить, что это наведённые эмоции, отделить их от своих, и проанализировать их как бы со стороны, отстранившись. Главная трудность с тренировками состояла в том, что эмоции должны были направляться на ме-

ня, и быть достаточно сильными. Равнодушие не генерировало ничего и никак не определялось. Сильные чувства у окружающих получалось вызывать редко, так что дело продвигалось медленно. Возможно, на более высоком уровне владения эмпатией можно будет определять и ненаправленные эмоции, но пока до этого было очень и очень далеко.

* * *

Так незаметно прошла осень, а потом и зима. Минули и наши дни рождения – мне мама подарила отличный складной нож, а Ленка получила какую-то особенную куклу, по которой она сохла последние месяца три. К учителю фехтования добавились учителя танцев и этикета, а немного попозже – музыки и рисования. Мы постепенно втянулись в учёбу и привыкли к своей постоянной занятости. Свободное время у нас, конечно, тоже было, но именно по принципу «делу время, потехе час». Для этого мира такое считалось совершенно нормальным – дети очень рано начинали помогать взрослым, а если семья была богатой, и помогать не требовалось, то они были постоянно заняты учёбой и тренировками. Огромный контраст с моим родным миром, где нормой было сунуть ребёнку планшет, чтобы не донимал родителей, и тот часами пялился в него, играя или смотря мультики.

Как-то мы шли домой из кондитерской, в которую регулярно ходили за Ленкиными любимыми сливочными тя-

нучками. На перекрёстке с узкой аллежкой нас перехватила группа из пяти пацанов лет восьми-девяти.

– Так, насекомые, ну-ка быстро сюда подошли! – скомандовал вожак.

Гопы дворянского квартала, ну надо же! Мы подошли, и я немедленно выдал главному отличный джеб. Брызнула кровь из разбитого носа, и я добавил прямой правой в челюсть. Ленка сориентировалась мгновенно, и молодецким пинком по яйцам вывела из игры ещё одного – нет, вот откуда что берётся, а? Где она могла научиться так ловко проводить операцию по смене пола? Хочется верить, что не у мамы в лечебнице, там должно быть погуманнее. Тем временем мне прилетел хороший удар в глаз, и я слегка потерял ориентацию. Ленка с умеренным успехом отмахивалась сразу от двоих, похоже, её сочли самой опасной. Хотя мы были заметно сильнее и быстрее своих сверстников, тут силы были явно неравны, и исход боя выглядел предопределённым. На наше счастье, раздался свисток стражника, и бой сразу же прекратился. Пацаны кинулись вглубь аллежки, и даже несчастный трансгендер поднялся и торопливо заковылял следом. Мы тоже не стали ждать карающей руки закона и рванули в другую сторону.

Ввалившись домой, мы сразу наткнулись на маму. Таких больших глаз у неё я ещё не видел. Из кухни высунулась Арина и тоже застыла с открытым ртом.

– Вы что, друг с другом подрались? – наконец, с изумле-

нием спросила мама.

Мы посмотрели на одинаковые фингалы друг у друга и начали хохотать.

Позже Ленка спросила:

– Ты почему сразу драться полез?

– А ты разве не почувствовала, что он злится и хочет поиздеваться? Они бы в любом случае нас бить начали, так чего было ждать?

– Нет, ничего не почувствовала. Я там сама вдруг разозлилась.

– Это не ты разозлилась, это ты его злость почувствовала. Надо учиться отделять свои чувства от чужих. Постарайся запомнить, как чужие чувства выглядят и не давай им себя запутать.

Ленка задумалась.

– А можно ведь было и убежать.

– Девушка, вы не из коровника дворянка?

Ленка захихикала и начала на меня наскокивать и пихаться. На том и закончилась эта история, но вскоре она получила неожиданное продолжение.

* * *

На следующий день на прогулке мы опять наткнулись на квартального.

– Ого! – удивлённо воскликнул Любомир. – Это кто же

вас так разукрасил?

Надо сказать, что мама наотрез отказалась лечить наши синяки, заявив, что она мирный целитель, и боевые ранения не её специализация.

– Пустяки, – я махнул рукой. – Мы разобрались.

– А победил-то кто?

– Да что-то вроде ничьей вышло.

– Ну да, Мирон так мне и докладывал: бились, мол, они как львы, но вынуждены были отступить, – Любомир откровенно ухмылялся. – А что же так-то?

– Умения не хватило, – пояснил я. – Нас драться не учат – только танцы, музыка, всё такое.

– А зачем вам уметь драться? Вы же дворяне.

– Так это вдвойне нехорошо, когда дворянина какая-то мелкая шушера бьёт.

– И то верно, – засмеялся Любомир. – Ну я вам тогда вот что скажу. Брат мой, Данислав, держит школу для ратников вольных отрядов. Детей он тоже учит, но берёт редко, только от друзей-знакомых. От меня возьмёт, конечно. Если мать уговорите. И сами крепко подумайте, там трудно учиться.

– Спасибо, дядька Любомир! Посмотрим, что получится...

* * *

Было совершенно ясно, что Ленка потянется за мной, так

что принимать решение следовало вместе.

– Лен, давай подумаем, нужно ли нам учиться драться. Я один не хочу решать.

– А сам что думаешь? – рассеянно спросила она, исправляя какую-то неправильность в наряде куклы.

Вопрос действительно был неоднозначным. С одной стороны, Владеющим умение драться вроде и ни к чему. К тому же свободного времени у нас не так уж много, и добавить к нашим занятиям ещё и школу Данислава – значит урезать его ещё больше. Даже мне, ребёнку с психикой взрослого, нелегко жить в таком ритме – детский организм накладывал свои ограничения.

С другой стороны, Владеющими мы фактически станем только после семнадцати лет, когда достигнем второго, полного совершеннолетия. До тех пор нас просто не станут учить ничему серьёзному – и, кстати, совершенно правильно. Пока будущий Владеющий не научится ответственно и с полным контролем использовать свои способности, ему доступны лишь безобидные упражнения по развитию и контролю Силы. То есть как минимум до этого времени любой хулиган может практически безнаказанно настучать нам по физиономиям. К тому же я, как взрослый и поживший человек, прекрасно понимал, что в бою сила не главное. Дай ботану любую силу, и его всё равно будут тиранить все кому не лень. Чтобы стать воином, нужно с детства вырабатывать в себе воинский дух, а романы, где ботан-программист пе-

реносится в другой мир, сразу становится великим магом и начинает нагибать окрестные народы – это всего лишь мечты конкретного ботана, с реальной жизнью никак не связанные.

Здесь стоит упомянуть, что рассказ нашей мамы про права и привилегии дворян был совершенно верным, однако существовало множество нюансов, которые порой сильно меняли ситуацию. В частности, несмотря на сильную сословность общества, оно было довольно демократичным, главным образом за счёт работающего механизма социальных лифтов. Сословное обучение, вроде английских закрытых школ, активно не поощрялось – судя по всему, князь справедливо полагал, что закукливание сословий ведёт к застою и загниванию общества в целом. Конечно, в той младшей школе, куда мы вскоре пойдём, дворян было много, а в школе в каком-нибудь рабочем районе их не было вовсе, но тем не менее в целом никакой сегрегации не наблюдалось.

Всё это приводило к довольно любопытному эффекту – дворянские дети вели себя скромно и своё дворянство не выпячивали. Ведь что мог сделать дворянский отпрыск, если мещанский сын с ним подрался или даже просто набил морду? Теоретически он мог подать жалобу в суд Чести, после чего мещанину, возможно, пришлось бы несладко. На практике это означало бы позор, постоянные насмешки и ущерб для репутации на всю оставшуюся жизнь. Так что умение начистить обидчику грызло для дворянских детей внезапно оказывалось совсем не лишним. И для дворянок тоже – де-

вочки здесь, особенно одарённые девочки, росли активными, и даже близко не были безобидными ромашками.

– Я думаю, нам стоит поучиться. Понимаешь, если мы...

– Да согласна я, согласна, – отмахнулась Ленка.

– Что, вот так сразу? – я не понял такой сговорчивости.

– Ты же мужчина, вот ты и решай.

Ага, замечательная позиция – ты решай, ты и будешь виноват, если что. Так-то все женщины этим приёмом пользуются, но эта молодая какая-то очень уж ранняя.

* * *

Разговор с матерью я начал издалека.

– Как-то даже стыдно с синяками ходить. Сегодня Любомира встретили, ухмылялся. Просто позор какой-то...

– Сводить синяки не буду, – отрезала мать, не поднимая глаз от журнала.

– Да я не про то, – махнул я рукой. – Сам не хочу к тебе с каждой царапиной бегать.

– А про что? – мать слегка заинтересовалась.

– Может, нам стоит немного поучиться? Это же, наверное, не в последний раз, придурков-то хватает.

– Давай ближе к делу, не ходи кругами, – мать, наконец, отложила свой журнал.

– Любомир говорит, у его брата хорошая школа, – я пожал плечами с безразличным видом. – Можно было бы походить.

– А зачем вам это вообще? Вы Владеющими будете – чем вам поможет умение в морду дать?

– Ну, во-первых, Владеющими мы станем очень нескоро. А во-вторых, умение драться и для Владеющего полезно.

– В чём польза-то? Что-то я не слышала, чтобы Владеющий победил противника кулаками.

– А я вот не слышал, чтобы кто-то победил, отжимаясь на поле боя. А ратников почему-то отжиматься заставляют. С кулаков ведь и начинают учиться.

– Знаешь, Кени, – мать вздохнула, – мне не нравится вот эта твоя направленность на сражения. Ещё и Леночка за тобой тянется.

– Думаешь, не придётся?

– Мне бы не хотелось.

– Мне бы тоже не хотелось. Но если вдруг придётся, не хочу быть беспомощным телёнком.

Мать задумалась, смотря куда-то в неведомые дали.

– Ты как-то очень уж быстро превращаешься из ребёнка в мужчину, – наконец, сказала она с лёгкой печалью в голосе. – Ну хорошо, от меня что требуется?

– Твоё согласие, – начал перечислять я. – Оплата обучения. Не знаю, что там ещё потребуется, форма может какая-то.

– Хорошо, – кивнула мать. – А скажи-ка мне вот что: ты понимаешь, что потом отыграть назад не получится, и вам придётся заниматься там до конца? Владеющий не может

менять свои решения, как флюгер. Если решение принято, оно должно быть исполнено. Иначе придётся силой расплачиваться.

На мгновение стало страшновато, даже мурашки пробежали. Очень нелегко привыкнуть, что слово здесь весит так много. Пусть это всего лишь слово семилетнего ребёнка. Но отступать я не собирался, да и не для этого разговор затевал.

– Я всё понимаю и решения не изменю.

– Значит, решено, – отрезала мать. – Скажи Любомиру, пусть договаривается.

* * *

Данислав Лазович имел суровое, словно высеченное из камня, лицо и ледяные глаза. Двигался он очень плавно, и в целом производил впечатление чрезвычайно опасного человека. Ленка на всякий случай спряталась за меня и осторожно выглядывала из-за моего плеча.

– Госпожа Милослава, – поклонился он матери.

– Почтенный Данислав, – мать кивнула в ответ. – Благодарю вас за то, что нашли возможность заниматься с моими детьми.

– Это самое малое, что я могу сделать для вас, – ответил он. – Наша семья у вас в долгу.

Мать с достоинством кивнула. Всё же аристократическое воспитание чувствуется сразу – я, во всяком случае, ста-

рый-я, – обязательно начал бы мямлить какую-нибудь чепуху вроде «да не за что» или «так поступил бы каждый», и неизбежно потерял бы лицо. Интеллигенту крайне сложно сохранить достоинство, пытаясь на равных разговаривать с человеком с такой явной и буквально давящей аурой опасности – слишком уж он отличается от привычно-уютной академической публики. Мне бы очень хотелось, чтобы моя интеллигентность осталась там, в сияющем коридоре, вместо утерянных и наверняка важных воспоминаний. Но к моему огромному сожалению, я сохранил её полностью, ну или почти полностью; приходилось буквально по капле выдавливать из себя интеллигента⁶. Надо сказать, что у Ленки эта проблема отсутствовала совершенно – она была аристократкой, во всём вела себя, как аристократка, и никакой двойственностью, в отличие от меня, не страдала. Старая память – это не только костыль, но и груз.

– Нужно ли что-то приобретать дополнительно? – спросила мать.

– Не беспокойтесь об этом, госпожа. Мы сами снабжаем учеников всем, чем нужно, дополнительные расходы будут просто включаться в ежемесячный счёт. Однако я попросил подойти сюда нашу лекарку, возможно, у неё будут какие-то рекомендации.

– Я должна подчеркнуть один момент, – сказала мать. – Мне хотелось бы, чтобы дети занимались по полной про-

⁶ Главный герой перефразировал известное выражение А.П. Чехова.

грамме и получили полный объём знаний и навыков. Без скидок.

– Разумеется, госпожа, – кивнул Данислав. – Я сам буду заниматься с вашими детьми. Скидок не будет.

– Насколько я знаю, вы служили в «Волках Севера», почтенный? – мама вопросительно посмотрела на Данислава.

Мама явно навела справки – до этого она точно ничего не слышала про брата Любомира. В общем-то, этого следовало ожидать.

– Именно так, госпожа. Прошёл путь от кадета до тактического офицера. Потом семь лет служил старшим инструктором отряда по боевой подготовке. Пять лет назад открыл школу.

– Достойный путь, – кивнула мама.

Дверь открылась, и в комнату вошла молодая женщина. На мгновение задержав на маме взгляд, она склонилась в поклоне:

– Госпожа Милослава.

– Мы знакомы? – вопросительно подняла бровь мать.

– Односторонне, – улыбнулась та. – Я посещала ваши лекции по коррекции аномального онтогенеза⁷. Позвольте представиться: Анна Бехтева, лекарка, четвёртый ранг.

– Рада знакомству, госпожа Анна, – кивнула мама.

– Не думаю, что вы нуждаетесь в моих скромных советах, госпожа, но на всякий случай скажу: детям мы обычно

⁷ Онтогенез – процесс развития организма начиная с момента оплодотворения.

рекомендуем минерализованные коктейли по стандартному укрепляющему курсу А-1.

– Я делаю своим детям процедуры полного курса Тоффеля.

– Полного? – брови у лекарки поползли вверх. – Впрочем, чему я удивляюсь. Полагаю, по физическому развитию они соответствуют детям примерно на год старше?

– Да, примерно так, – согласилась мама.

– А скорость реакции?

– Повышенная, но за пределы базового диапазона пока не вышла. Можно не учитывать.

– В таком случае я не вижу никаких проблем, – сказала Анна. – Позвольте вручить вам наши рекомендации по домашним упражнениям – возможно, вы захотите как-то объединить их со своей программой. Если у вас, госпожа, нет ко мне вопросов, то позвольте вас покинуть.

Дальше последовали снятие мерок и краткая экскурсия по школе. На том посещение и закончилось; через неделю для нас изготовят форму и защиту, а ещё через несколько дней наша новая группа начнёт заниматься.

* * *

Как правило, я старался задавать как можно меньше вопросов, чтобы не выпадать из образа ребёнка. Да, дети часто фонтанируют вопросами вроде «мама, а почему небо голу-

бое?»), однако подобные темы меня интересовали слабо – почему небо голубое, я прекрасно знал и сам, а вот насчёт матери, кстати, совсем не уверен. Вопросы, которые меня интересовали в первую очередь – структура власти в княжестве, разделение полномочий, судебная практика, и тому подобные, – от семилетнего ребёнка выглядели бы странно, и задавать их следовало крайне осторожно.

В качестве отступления замечу насчёт судебной практики – изучив вопрос по доступным мне обрывочным источникам, я выяснил, что мать дала мне сильно упрощённую картину. Кроме Мещанского суда и суда Дворянской Чести, существовал также Круг Силы, который разбирал дела и споры Владеющих, а также Княжеский суд. Причём разделение полномочий между ними было довольно запутанным – например, в зависимости от конкретных обстоятельств, я мог попасть под юрисдикцию любого из этих четырёх судов. Существовали и другие суды, например, Гильдейский, который ведал тяжбами купцов, но с ними я вряд ли мог пересечься. Судопроизводство было весьма сложным – некоторые суды руководствовались сводом законов, причём у каждого своим, тогда как другие использовали прецедентное право. Словом, это был рай крючкотвора.

Сегодня как раз представился подходящий случай прояснить давно интересовавший меня вопрос:

– Мама, а вот госпожа Анна – она лекарка, а ты целительница. Это одно и то же?

– Нет, Кени, это совсем не одно и то же. Это довольно сложно объяснить в двух словах.

– Объясни в трёх, – предложил я.

– Ну хорошо, – засмеялась мама, – тогда слушай. Ты ведь знаешь, что техника плохо работает там, где высокая концентрация Силы, или где колебания Силы слишком велики?

– Знаю, – согласился я, – ты рассказывала.

– А знаешь, почему люди и животные себя там прекрасно чувствуют? Потому что живые клетки стабилизируют поле, прямо воздействовать на них Силой практически невозможно. Так вот, дар целителя как раз и состоит в том, что он может своей силой воздействовать на организм напрямую. Проще говоря, он может как бы обмануть организм больного и прикинуться его частью.

– А лекари?

– А лекарю нужно сделать разрез и залезть внутрь, чтобы что-то там исправить. И даже так он силу обычно использует не напрямую, а чтобы сделать сложный разрез, или пережать артерию, или ещё что-то. Ещё лекари используют алхимию, она очень эффективна, особенно когда делается под конкретного больного. Лекари, вообще-то, многое могут, но до целителей им очень и очень далеко.

– А кого больше – лекарей или целителей?

– Лекарей много, они в основном и лечат. Целителей очень мало. В нашей лечебнице их трое, но это центральная лечебница княжества, к нам со всего княжества сложных

больных привозят. В большинстве лечебниц ни одного нет. Ты же изучал большие числа? Знаешь, что такое миллион?

– Конечно, знаю, – оскорбился я.

– Вот смотри: в княжестве тридцать шесть миллионов жителей. На всех них приходится тридцать четыре младших целителя и девять старших. Причём старшие лечат редко, а больше наукой занимаются. Сможешь сам прикинуть, сколько жителей на одного целителя приходится?

– Тысяч девятьсот, да? – прикинул я.

– Ну, наверное, так. У меня с арифметикой не очень, – засмеялась мама. – Я лучше тебе поверю.

– Так что получается – ты можешь издали сердце у человека остановить?

– Нет, не могу. Надо же сначала настроиться на организм. Это не сразу делается, и надо при этом человека касаться. Но знаешь, мне не обязательно сердце останавливать. С седьмым рангом я могу не хуже любого боевика, например, каменный шип в сердце воткнуть. Остановит ещё надёжнее.

Я вспомнил ещё один интересный вопрос:

– А ты можешь сделать так, чтобы у человека дар появился?

– Нет, конечно, – мама даже удивилась вопросу. – Дар – это свойство души, а мы душу даже почувствовать не можем, не то что изменить в ней что-то.

– А боги?

– Боги? – мама задумалась. – Скорее всего, тоже не могут.

Во всяком случае, я не слышала, чтобы боги кого-то наделили даром. Вот Сила может, так она и считается сущностью более высокого порядка. Хотя, если подумать, ещё неизвестно, наделяет ли она даром, или просто помогает дару развиться до его естественного предела.

– А какие ещё сущности есть?

– Если какие-то и есть, в нашем мире они себя не проявляли.

– В «нашем мире»? А другие миры существуют? – спросил я с безразличным видом, но пульс ускорился.

– Может да, может нет, – мама пожала плечами. – Какой смысл гадать о том, что мы не можем ни подтвердить, ни опровергнуть?

Ну, положим, я могу подтвердить, но мне-то другое интересно.

– А боги вообще существуют?

– Не поняла, – мама выглядела слегка сбитой с толку. – А куда бы они делись?

– Ну, в смысле, кто-нибудь их видел?

– Да много кто видел. Я, например, видела.

Мама правильно поняла моё изумлённое лицо и пояснила:

– Всех новых целителей Жива благословляет лично. Меня тоже благословила, когда меня в целители посвящали.

Вопросов у меня сразу возникло бесчисленное множество, но маме явно надоело просвещать любопытного ребёнка:

– Всё, хватит уже разговоров. Идите с Леной книжку почитайте и ложитесь спать.

Оказывается, здесь есть настоящие боги, которые спускаются со своих Олимпов и ходят среди людей, как в мифах Древней Греции! Впрочем, сейчас я бы не рискнул называть их «мифами». Мир сразу стал выглядеть гораздо менее уютным – мне сложно понять, как жить и вести себя в мире, где легко можно встретиться с богом.

* * *

Я проснулся оттого, что на меня кто-то запрыгнул с разбега. Впрочем, почему «кто-то»?

– Ленка, ты чудовище! – простонал я, пытаюсь восстановить дыхание.

– А ты засоня, – презрительно откликнулась она. – Просыпайся, мама уже на пробежку собирается.

Я кое-как открыл глаза. Ленка сидела на мне, умытая и свежая, но ещё растрёпанная после сна.

– Давай быстрее вставай и умывайся. Только сначала причеши меня.

Ленка млела, когда я расчёсывал ей волосы, мне тоже это ужасно нравилось, так что как-то незаметно это превратилось в мой священный долг и почётное право.

– Косички заплетать? – спросил я, закончив с расчёсыванием.

– Некогда, сделай просто два хвостика.

Едва дождавшись окончания, она рванула на выход, крикнув на бегу: «Догоняй, копуша!».

Когда я вышел на улицу, женщины как раз заканчивали первый круг. Мама с иронией посмотрела на меня, когда я пристроился к ним, но говорить ничего не стала. На следующем круге Ленка отвалилась и побежала в душ, а я остался ещё на круг.

За завтраком мама спросила:

– Вы помните, что сегодня первое занятие у Данислава? Не жалеете ещё, что затеяли это?

Ленка незаметно поёжилась. Данислав её пугал.

– Не понимаю, о чём ты говоришь, мама, – с напускным удивлением сказал я. – Что решено, то решено.

Мама хмыкнула, и дальше завтрак протекал в молчании.

* * *

Форма представляла собой широкие штаны, и куртку без пуговиц, но с поясом, который просто оборачивался вокруг талии несколько раз. Это было очень похоже на кимоно для восточных единоборств – ну, насколько я помню эти самые кимоно.

Ленка судорожно сжала мою руку.

– Ты что так боишься? – спросил я её шёпотом.

– Не знаю, – ответила она тоже шёпотом. – Страшный он

какой-то.

Тут я её понимал – Данислав просто излучал опасность, и, по правде сказать, мне возле него тоже было немного не по себе.

– Не бойся, – прошептал я, – я тебя в обиду не дам.

Ленка хихикнула и немного расслабилась.

Так и дошли до тренировочного зала, Данислав был уже там. Завидев нас, он подошёл и принялся внимательно нас рассматривать. Я сделал равнодушное лицо. Ленка мельком глянула на меня и тоже надела маску скупающей аристократки. У Данислава на лице мелькнула мимолётная улыбка, и он сказал:

– Ко мне обращаться: «наставник». Всё понятно?

– Да, наставник, – ответил я.

– Да, наставник, – пискнула Ленка.

Данислав кивнул.

– Вижу, поладим. Пока собирается остальная группа, поглядим, что вы можете.

Минут пятнадцать мы прыгали, подтягивались, отжимались. В конце Данислав просто сказал: «Достаточно», никак не комментируя наши успехи. Тем временем собралась остальная группа: мальчик лет восьми, девочка и два мальчика чуть постарше. Теперь настала их очередь показывать, что они могут. Мы на их фоне выглядели неплохо, но не сказать, что на голову выше. Примерно на том же уровне.

– Посредственно у всех, – подытожил Данислав, когда всё

закончилось и мы, наконец, построились перед ним. – Не скажу, что совсем плохо, но пока что вы к спаррингам не готовы.

– А как мы тогда будем учиться драться? – вылез один из старших мальчиков. Придурок, что тут скажешь.

Данислав заморозил его взглядом.

– Вопросы вы будете задавать, когда я разрешу. Для тех, кто не может держать рот закрытым, спарринги будут. Со мной. Вам не понравится.

Все прониклись.

– Спарринги устраивать не будем, потому что всё, что вы сейчас можете – это пыхтеть и толкаться. – Это было жестоко, я всё-таки оценивал себя выше. – Ближайшие полгода вы будете заниматься базовой подготовкой и учиться двигаться. Дальше посмотрим.

Базовой подготовкой мы и занялись в последующие три часа. Мы бегали, прыгали, подтягивались, учились двигаться, падать, вставать. Когда дядька Ждан привёз нас домой, у нас не было сил выползти из машины.

За ужином мама спросила:

– Ну как прошло первое занятие?

– Здорово прошло, – ответил я. – Легковато было, ну, это, наверное, чтобы мы постепенно втянулись.

Ленка хрюкнула, но тоже покивала.

Глава 3

Этот жаркий летний день был особенным. Нет, не так – это был Особенный День. Младшая школа осталась позади, и сегодня я наконец-то перестану считаться ребёнком. Ну, не совсем перестану, до полной самостоятельности ещё очень далеко, но всё же, всё же...

Впрочем, лучше обо всём по порядку. Младшая школа пролетела без событий – точнее сказать, без значимых событий. Скажем, штурм снежной крепости – это грандиозное событие для девятилетнего, но кому оно ещё может быть интересным, кроме такого же девятилетнего? Семь лет, полных такими вот событиями, миновали, и я не сказал бы, что они были для меня скучными. Ну а что – детский организм своего требует. Видимо, не настолько уж я и взрослый, как привык о себе думать.

Перед самым окончанием младшей школы все школьники проходят тест на владение Силой. Считается, что как раз к четырнадцати годам эта способность гарантированно проявляется, и тот, кто к этому возрасту не в состоянии минимально управлять Силой, не сможет этого никогда, а тот, кто этот тест прошёл, соответственно, является одарённым и имеет шанс развиваться дальше. Мы с Ленкой тест ожидаемо прошли и теперь готовимся пойти в старшую школу для одарённых. В столице их всего четыре – одна для мажорчиков, и

три для детей попроще. Мы – мажорчики, и потому поступаем в старшую школу «Дубки».

Название школы символизирует то, что она превращает юные дубки, то есть учеников, в могучие дубы – нечто в этом роде было написано в проспекте школы. Когда будущее поступление обсуждалось дома, перспектива стать дубом меня изрядно повеселила, но семья причины веселья совершенно не поняла, а Ленка даже покрутила пальцем у виска. В этом мире сравнение с дубом подчёркивает силу, крепость и благородство сравниваемого, а хохмочка «чем больше в армии дубов, тем крепче наша оборона» никого бы не рассмешила, а была бы воспринята скорее как официальный лозунг.

Так вот, в чём же заключается особенность именно сегодняшнего дня? К сегодняшнему дню стали готовы полные результаты наших тестов, а не просто «способности есть/нет», что определяется сразу в процессе тестирования. Тестирование было похоже на то, что мама тайком делала нам в шесть лет, только гораздо более точное, и сегодня мы, наконец, узнаем, насколько с тех пор развились. Мы получим «карточку одарённого» – документ, удостоверяющий личность, и станем совершеннолетними и дееспособными официально – по правде говоря, не вполне совершеннолетними и ограниченно дееспособными, но нам будет доступно довольно многое. Заключение многих видов договоров, открытие счетов в банке, даже приобретение предприятий и недвижимости (на карманные деньги, ага). И что самое главное, над

нами больше не будет висеть угроза изъятия из семьи, которая порядком попортила мне кровь за эти годы.

Для неударённых, кстати, отсутствует понятие «первого совершеннолетия» – они будут считаться детьми до семнадцати, когда наступает полное совершеннолетие. Собственно, и нам-то оно даёт не так уж много – права правами, но никакой взрослый не станет воспринимать всерьёз четырнадцатилетнего подростка. Рассчитывать на это может только четырнадцатилетний подросток, хе-хе. Я и не рассчитываю, а Ленке это вообще до лампочки – она излучает позитив просто так, не заморачиваясь вопросом, кто там и как её воспринимает.

Главной резиденцией Круга Силы было массивное серое здание с колоннами недалеко от старого Городища. Результаты тестов и карточки выдавали с бокового крыльца, где размещались отделы, связанные с делопроизводством. Толчеи перед крыльцом не было, хотя прямо перед нами туда зашли родители с довольно миленькой девочкой. Собственно, толчее взяться было и неоткуда – в почти четырёхмиллионной столице ежегодно появлялось лишь немногим более двух сотен новых одарённых.

По статистике, один одарённый приходится примерно на сто двадцать бездарных, то есть для нашего княжества это составляет примерно триста тысяч одарённых. Однако это число включает в себя всех одарённых, большинство из которых имеет первый ранг, и одарёнными считается весьма

условно. До уровня Владеющего, то есть до четвёртого ранга, доходит примерно в десять раз меньше. До старшего уровня Владения – седьмого ранга, – добирается ещё меньше, ну а Высших, дошедших до десятого, можно пересчитать чуть ли не по пальцам.

Перед комнатой, в которой получали карточки, была небольшая очередь, но продвигалась она очень быстро, и буквально через несколько минут туда зашли и мы. Ленка почему-то заробела, и мне пришлось слегка подтолкнуть её вперёд.

– Лена Менцева, – почти прошептала она.

– Так, мыслéте⁸... есть Менцева, – клерк вытащил карточку из ящика с алфавитными разделителями. Глянув на золотой гербовый значок Лены, он продолжил. – Прошу вас прикоснуться сюда, госпожа Лена.

Карточки при изготовлении настраивались на ауру владельца, и от прикосновения на карточке проявились надписи.

– Очень хорошо, прошу вас расписаться здесь и здесь, госпожа. Благодарю вас и поздравляю.

– Спасибо, – пискнула Ленка смущённо.

– Кеннер Арди, – пришла моя очередь.

– Аз⁹, аз... Вот она. Прикоснитесь сюда, пожалуйста, господин Кеннер. Очень хорошо. Прошу вас расписаться. Бла-

⁸ Мыслéте – название буквы М славянского алфавита.

⁹ Аз – название буквы А славянского алфавита.

годарю, господин Кеннер, примите мои поздравления.

– Вы становитесь взрослыми, дети, – сказала мать, когда мы вышли из здания Круга и устроились в ближайшем уличном кафе. Глаза у неё подозрительно поблёскивали – впрочем, даже я, старый циник внутри, чувствовал себя взволнованным.

– Ой, а мы же силу забыли посмотреть, – встрепенулась Ленка. – Мама, а где тут сила? У меня только имя показывает и всё такое.

– Это отдельно показывается. Вот здесь приложи палец и направь через него немного Силы, чтобы она через ауру прошла.

– О, получилось! У меня пять-четыре-три!

– У меня четыре-четыре-пять, – прочитал я со своей карточки.

– У-у... – недовольно протянула Ленка.

– У тебя просто терпения не хватает, оттого и контроль хуже, – объяснил я. – Зато у тебя плотность больше. Твой стиль – удар кувалдой в лоб, Ленка.

– Ты! – Ленка возмущённо запыхтела. – Мама, скажи ему!

Мама только посмеивалась. Тут у Ленки появился новый важный вопрос:

– Мама, а сколько силы нормально?

– Для вас? Один-один-один.

– Нет, я серьёзно!

– Я тоже серьёзно. Иногда двойка в какой-то позиции

проскакивает, это считается очень хорошо. У Кена сейчас нормальный показатель для выпускника Академиума, а тебе действительно надо бы чуть-чуть контроль подтянуть.

Перед Ленкой развернулись неожиданные перспективы:

– Это что, получается, мы Владеющие? А какой у нас ранг?

– Нет, вы не Владеющие. Вы на самом деле даже не одарённые, потому что ранг у вас нулевой. Одарёнными вы официально станете после старшей школы, с такой основой вам присвоят третий ранг по окончании школы.

– Это почему нулевой?! – возмутилась Ленка.

– То, что в вашей карточке – это не ранги, а показатели уровня владения Силой, которые называются основой. Основа показывает, какой ранг у вас мог бы быть, если бы у вас были соответствующие знания и навыки. Сейчас у вас знаний ноль, значит, и ранг нулевой. Старшая школа даст вам знаний и умений на третий ранг, вот вам его и присвоят.

– Но у нас же не ноль знаний! – действительно, мама нас учила, и знаний у нас было далеко не ноль.

– Я вас учила не всему, что нужно для ранга, – покачала головой мама. – И в любом случае официально у вас знаний нет.

Мама была совершенно права – хотя многие владеющие занимаются со своими детьми дополнительно, обучать детей построению конструкторов крайне не рекомендовалось, а давать некоторые знания было прямо запрещено законом. Осо-

бенно это касалось применения Силы для любых разрушительных целей. Мама категорически отказалась нарушать закон, заявив, что он полностью обоснован, и она с ним совершенно согласна. Положа руку на сердце, мы и из разрешённых-то областей знали не так уж много. Что-то действительно сложное требовало развитого абстрактного мышления, и детский мозг с этим просто не справлялся. Причём это ощущал даже я, а Ленке приходилось ещё труднее.

На самом деле я и не рассчитывал, что мне удастся рано овладеть Силой. Пятиклассник не может пройти университетский курс, разве что это какой-то уж совсем уникальный уникум. А в этом мире это было и физически невозможно – википедий здесь не было, и знания свободно не распространялись. Не то чтобы доступ к знаниям так уж специально ограничивался, но, допустим, для школьника было невозможно просто приобрести университетский учебник. Все учебники находились в соответствующих библиотеках, а в книжные лавки поступала только художественная и научно-популярная литература. По этой же причине я до сих пор многого не понимал в истории мира, потому что учебник истории для младшей школы напоминал скорее сборник мифов с сильной долей пропаганды. Было примерно ясно, что расхождение с нашим миром появилось где-то в районе 6500 года, когда в мир пришла Сила. Судя по тому, что крещение Руси князем Владимиром состоялось незадолго до этого, по христианскому летоисчислению это получался при-

мерно 1000-ый год. Точная дата прихода Силы была неизвестна, поскольку её пришествие заметили далеко не сразу. В отличие от нашего мира, где массовый отказ технологичных приборов немедленно вызвал бы апокалипсис, в мире, где транспорт ограничивался телегами, а водяная мельница считалась чудом техники, Сила никак себя внешне не проявляла. То, что мир изменился, люди поняли только тогда, когда начали в массовом порядке овладевать Силой.

Несмотря на то, что Сила пришла в мир незаметно, появление одарённых повлекло за собой огромные изменения. Темучжин¹⁰ никак себя не проявил, и про Монголию никто в Европе даже не слышал. Из других следствий самым важным было отсутствие закрепощения крестьян. Хотя некоторые страны и попытались ввести крепостное право, это плохо для них кончилось. Мощь страны прямо зависела от количества сильных одарённых, что совершенно не сочеталось с рабством в любой форме. Сын крепостного крестьянина не имел ни малейшего шанса развить свой дар. Простое выявление одарённых тоже помогало слабо – четырнадцатилетнего сына крепостного ещё можно было обучить грамоте, но высшее образование было ему совершенно не по силам. Как результат, выжили и процветали только страны, которые ввели всеобщее образование, гендерное равенство (большинство одарённых были женщинами) и реально работающую систему социальных лифтов. Такой вот скачок из раннего фео-

¹⁰ Темучжин больше известен как Чингисхан.

дализма в современность. Впрочем, этот скачок был сильно растянут по времени, и занял лет двести-триста, а до этого везде творился полный хаос. В Европе он особенно усугубился деятельностью католической церкви, которая объявила не служивших ей одарённых детьми Сатаны, подлежащими сожжению. А через несколько сотен лет массовые казни неправильных одарённых так подкосили Европу, что сейчас она с трудом отбивается от сарацин, которые к настоящему времени полностью захватили Испанию, и приглядываются к Сицилии. Наш князь тоже посматривает на Ливонию, и как однажды обмолвилась мать, она ещё не наша только потому, что верхушка княжества никак не может придумать, зачем нам эта дыра могла бы понадобиться.

Особо стоит упомянуть летосчисление, которое оказалось для меня неожиданно шокирующим. Когда я, наконец, смог сопоставить наш календарь с христианским, то обнаружил, что наш нынешний 8233-й год соответствует примерно 2700-му году н. э. Откуда взялись лишние семьсот лет? Так долго занял мой полёт в сияющем коридоре? Или с пришествием Силы изменилась скорость течения времени? Или время не существует в отрыве от мира, и переходя из мира в мир, попадаешь в произвольный момент? Вопрос интересный, вот только кто бы на него смог ответить.

Мы бежали по лесу уже десять часов, но преследователи не отставали. Где-то впереди должна была находиться вторая группа, и меня не оставляло чувство, что нас целенаправленно на неё загоняют. Такое упорство было вполне объяснимо – ещё в самом начале погони преследователи совершенно позорно попались в простейшую ловушку, и пока они там барахтались, мы сумели подстрелить двоих. Теперь догнать нас и застрелить, а лучше взять живыми, было для них делом чести и единственным шансом реабилитироваться.

Каникулы у школьников в этом мире гораздо короче – никому и в голову не пришло бы позволить детям целых три месяца валять дурака. Занятия заканчиваются в середине июня, после чего школьники отдыхают полмесяца, а затем на весь июль уезжают в военно-спортивные лагеря – какие-то больше военные, какие-то в основном спортивные. Затем они опять отдыхают половину августа, и с середины августа начинается новый учебный год. Впрочем, месяцы здесь не римские, так что на самом деле учёба кончается в середине изока, а начинается в середине зарева – не уверен, что местные месяцы точно совпадают с римскими, но примерное соответствие имеется. Ну и, если уж говорить о различиях, стоит упомянуть шестидневную неделю с одним выходным.

В лагере школы Данислава, где мы в этом году проводи-

ли месяц червен, то есть июль, мы были единственными четырнадцатилетками. Остальные кадеты были намного старше, что, естественно, делало унижение для наших преследователей совершенно непереносимым.

Я посмотрел на Ленку – держалась она отлично, но усталость уже проявлялась явно. Отрыв у нас был минут в двадцать-тридцать, не больше, так что пора было что-то придумывать.

– Лен, тут есть подходящая речка рядом, чтобы можно было вброд перейти?

– Хочешь пройти по руслу? Трюк так себе, но попробовать можно.

– Нет по руслу не получится, тут же не горные речки. Дно илистое, течение слабое, след будет виден лучше, чем на земле.

– А зачем тогда? – заинтересовалась Ленка.

– Не болтай, времени мало. Смотри карту.

– Если севернее возьмём, в паре вёрст подходящая будет. Десять-двенадцать шагов шириной, глубина до двух локтей.

– Самое то, побежали.

Речка оказалась как по заказу, с мутноватой, почти стоячей водой, и густо заросшими кустарником берегами. Мы разулись и переправились, поднимая ил со дна, затем обулись снова и пробежали ещё метров пятьдесят, оставляя достаточно заметные следы.

– Стой! – я поднял руку. – Снимаем обувь и возвращаемся

тем же путём назад, следов не оставляем.

Мы неспешно побежали назад босиком, стараясь как можно меньше приминать траву. Русло речушки пересекала тёмная полоса взбаламученного ила, не оставляющая никаких сомнений относительно нашего маршрута.

– Лен, сейчас перебираемся обратно и аккуратно лезем в кусты.

– Думаешь, купятся?

– А других вариантов нет, нам не уйти. У них явно есть какая-то связь с группой впереди, они нас должны вот-вот перехватить. Попробуем подстрелить их на переправе.

– У меня только одна обойма, и в пистолете ещё почти полная.

– У меня примерно так же. Стреляем точно, патроны зря не тратим. Кто знает, что там дальше будет.

Пули представляли собой желатиновые шарики с краской, синяки от них оставались будь здоров. Из защиты выдавалась только лёгкая открытая каска с защитным стеклом, а разрешение свести синяки у лекарки рассматривалось наставниками как поощрение, которое надо заслужить.

Только успели как следует устроиться, как по возмущениям Силы почувствовали приближение погони. Впрочем, шума они производили столько, что мы их раньше засекли по звуку. На берег вывалились пятеро. Ленка тихонько фыркнула – выглядели они как загнанные лошади, один вообще пыхтел как паровоз. Дохляки, но, к сожалению, упорные.

– Назад, – скомандовал главный, – за кустами укрылись быстро. Они могут засаду устроить, чтобы нас на переправе подловить.

Умный, это неприятно. Вот его и надо будет в первую очередь завалить.

– Конь, переправляйся и посмотри след. Если всё нормально, махни нам.

Самый запыхавшийся двинулся вперёд. Конь, да? Не рысак явно.

Конь разулся, закатал штанины и неторопливо форсировал водную преграду. Начал обуваться обратно. Ха, да он же просто время тянет, чтобы отдышаться! Командир это тоже понял:

– Конь, если ты на счёт три не побежишь, то я устрою с тобой спарринг, можно прямо здесь.

Тот заторопился, быстро осмотрел кусты на берегу и потрусил вперёд, высматривая следы. Убедившись, что следы уходят достаточно далеко, и мы не спрятались где-то рядом, замахал своим.

– Пошли по одному, – приказал командир.

Я передал Ленке образ: двое последних на ней, командира в первую очередь. На самом деле наша связь не позволяла передавать ни образы, ни тем более фразы. Просто появлялось понимание, что другой хочет сказать. Разумеется, ничего сложного передать таким образом было невозможно.

Я прицелился в первого, Ленка взяла на прицел команди-

ра, шедшего последним. Когда они добрались до середины, мы начали стрелять. Всё побоище заняло несколько секунд, да они в любом случае были обречены – стоя по пояс в воде, от пуль не поворачиваешься, и залечь тоже не выйдет.

– Ну, сосунки... – злобно выдохнул командир.

– Мальчики, не скучайте без нас, – пропела Ленка. – Передавайте привет Коню, пока-пока!

Командир зарычал, от остальной команды тоже донеслось злобное ворчание. Коня видно не было – умный Конь сразу понял, что соотношение сил стало неблагоприятным, и где-то затихарился. Чувствую, ждёт его жёсткий спарринг.

Оторвавшись от невезучей команды версты на три и высмотрев подходящее местечко, я объявил:

– Отдых полчаса, сушим обувь, обедаем без огня.

– Плохо без огня, – пожаловалась Ленка.

– Потерпи немного, с огнём слишком опасно. Вторая группа должна быть где-то в этом районе. Если бы они были далеко, те неудачники не стали бы так выкладываться.

К счастью, вторая группа не показалась, и у меня появилась надежда, что мы, наконец, оторвались. Терять осторожность, однако, не следовало, и мы двинулись дальше, по очереди сканируя окрестности. Сканирование Силой работало всего лишь саженей на семьдесят, и отнимало массу сил, но это был наш главный козырь – никто ещё не знал, что мы одарённые, и работы с Силой от нас не ждали.

Последние пятнадцать вёрст мы преодолели часа за три,

но за версту до лагеря я скомандовал остановиться. По условию наш забег засчитывался как успешный в тот момент, когда мы добирались до штаба. Вот это слово «штаб» вместо «лагерь» сразу наводило на мысль, что на последнем этапе нам подготовили феерическую подлянку, и хорошо, если одну. Причём, скорее всего, в штаб надо было войти, а не просто добраться до здания, в котором он размещался.

– Лен, нас там точно ждут.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась она.

– Причём наверняка и в самом штабе ждут. Только в здание войдём, нас повяжут и не дадут в штабную комнату войти.

– Думаешь, настолько всё плохо?

– Не то чтобы уверен, но есть у меня такое предчувствие.

Предчувствие одарённого – это не то, от чего можно отмахнуться, и Ленка только кивнула.

– Значит, ждём темноты? – спросила она.

– Надо ждать, при свете нам туда точно не пробраться.

Поспи, я подежурю.

Наконец, наступили сумерки, и мы осторожно двинулись к лагерю. К главным воротам не пошли, а вместо этого двинулись в обход. А вот и первая подлянка – в кустах недалеко от ворот сидела парочка и внимательно обозревала дорогу и прилегающие окрестности. Мы сейчас прекрасно видели их со спины, но если бы мы попытались войти через ворота, нас бы ждал сюрприз.

– Эх, хорошо сидят, так и хочется пристрелить, – прошептала Ленка.

– Мне тоже, но нельзя, – прошептал я в ответ. – От звука выстрелов весь лагерь сразу на уши встанет.

Отползли от них подальше.

– Где через забор полезем?

– Напротив корпуса столовой. Потом только саженой двадцать через хоздвор перебежать и попадём на аллею ко второму корпусу. Там почти никто не ходит. Оттуда до штаба легко добраться.

– Никто не ходит, зато вечно по кустам тискаются, – недовольно сказала Ленка.

– Вот и мы по кустам поползём, а если кто засечёт, сделаем вид, что тискаемся.

– Дурак ты, Кени!

План сработал, до здания штаба мы добрались и теперь сидели возле стены, скрытые от чужих взглядов декоративным кустарником.

– Что теперь, Кени?

– Вон видишь дальше окно открыто? По-моему, с него как раз и начинается помещение штаба.

К этому времени стемнело окончательно, и мы без труда прокрались до окна. За ним происходил любопытный разговор:

– Ну так где твои любимчики, Данислав?

– Надо подождать.

– Я уже десятый раз тебя спрашиваю, и десятый раз ты мне отвечаешь одно и то же.

– Если я отвечу, что они твоих любимчиков допинавают, тебе от этого легче будет?

Оскорблённое молчание в ответ. Ленка беззвучно засмеялась. Мы дружно встали, заглянули в окно, и я очень вежливо спросил:

– Извините, мы не помешаем?

– Заходите, ребята! – махнул рукой Данислав.

Мы быстро залезли внутрь.

– Заходить нужно в дверь, а не в окно! – сварливо сказал собеседник Данислава, судя по всему, наставник противника.

– А что, нас там никто не ждёт? – удивился я.

Данислав захохотал:

– Ну что, Петер, вот, наконец, и определились добровольцы на хозработы. А вы, ребята, идите отдыхать – в столовой вас накормят, я договорился.

Я подошёл к двери, приоткрыл её и сказал в тёмный коридор:

– Эй, засада! Мы выходим, не пугайтесь.

Там что-то упало, и послышались сдавленные ругательства.

Следующий день был для нас днём отдыха, нас освободили даже от обязательной утренней зарядки. Мы как следует выспались, позавтракали и сейчас сидели на скамейке в тенёчке, наслаждаясь блаженным бездельем. Ленка, привалившись ко мне, читала честно стащенный у матери дамский романчик, а я просто подрёмывал, закрыв глаза. Внезапно я осознал, что вокруг нас понемногу, как бы случайно, собираются люди. Агрессии не чувствовалось, только любопытство, но это было явно неспроста. Вскоре, однако, всё разъяснилось.

– Ну вот я тебя и поймал, щенок!

Я приоткрыл глаза. Прямо передо мной маячил тот самый бездарный командир невезучей группы.

– Ты кто? – спросил я, подавив зевок.

– Не узнаёшь, урод? Я Семён Костоев, ты моё имя запомнишь надолго, обещаю.

Сложно всерьёз воспринимать человека, который злоупотребляет дешёвым пафосом.

– И что тебе надо от меня, Семён?

– Поднимайся и иди за мной. Спарринг тебе будет.

– Пощупал свой бицепс и решил, что сможешь со мной справиться?

Вокруг послышались смешки. Когда восемнадцатилетний

вызывает на бой четырнадцатилетнего, это выглядит довольно жалко, и Семёв внезапно этот факт осознал. Но сдать назад он уже не мог:

– Я сказал, встал и пошёл!

– Слушай, Семён, какой спарринг, ты же ещё сортир не дочистил. Плохо сделанная работа – позор для говночиста.

Ленка хрюкнула, глядя в книгу. Кто-то сзади откровенно заржал. Семён начал наливать краской.

– Или ты идёшь в спортзал сам, или я тебя туда гоню пинками.

Ленка отложила книгу.

– Кени, он мне не нравится. Можно я из него дурь выбью? Пожалуйста.

– Хм, ну если тебе не лень. Только не калечь, он же не виноват, что дураком родился.

Зрители смеялись. Зря смеялись, кстати – мы хоть и выглядели на свои четырнадцать, но по силе Семёну вряд ли уступали, а по скорости точно превосходили. К тому же, хоть мы формально и не умели использовать Силу для нападения, зато давно освоили трюк с обёртыванием кулака сырой Силой. Ленка своим кулачком легко пробивала толстую доску, так что искалечить или даже убить могла запросто.

– Пойдём, убогий, – презрительно сказала Ленка, поднимаясь со скамейки.

Я прихватил Ленкину книжку и двинулся следом. За мной потянулась остальная публика, к которой по дороге присо-

единялись всё новые зрители.

Семён к противнице отнёсся совершенно несерьёзно. Первым делом он решил пугнуть её, изобразив вялую имитацию удара в лицо. Ленка перехватила руку, потянула, и Сёма вдруг перелетел через неё, высоко задрав ноги. Удар с размаху о пол выбил из него дух. Ленка несильно пнула его в бок и лениво сказала:

– Вставай, хватит притворяться, я с тобой ещё не закончила.

Зрители были в экстазе. Широко разрекламированное представление «Семён наказывает наглых малолеток» плавно превращалось в нечто противоположное, и публика полностью одобряла изменение программы. Дальнейший бой превратился в показательное избиение. Семён никак не желал поверить, что мелкая девчонка сильнее его, и подставлялся снова и снова. Зрители каждый раз взрывались аплодисментами, отчего Семён постепенно впадал в бешенство, и соображал всё хуже. В конце концов, Ленке надоел этот цирк, последовала серия быстрых ударов, и Сёма ушёл в нирвану. Счастливые товарищи потащили бесчувственное тело к лекарке, не забывая как бы невзначай стучать им о подвернувшиеся косяки.

– Похоже, боевые товарищи не так уж сильно Семёна любят, – поделился я с Ленкой наблюдением, глядя им вслед.

– Ага, – хихикнула она. – Если он захочет повторить, бери со зрителей деньги. Платить будут.

Вечером меня вызвал Данислав.

– Семён Костоев исключён из школы и уже уехал домой, – сказал он, задумчиво глядя на меня. – А вот к тебе у меня есть кое-какие вопросы.

Я молча смотрел на него, ожидая продолжения.

– Вы с сестрой, конечно, ребята резкие, и про этот ваш полный курс мне лекарка объяснила, но четыре года разницы – это не шутка. Ты не разрешил бы сестре драться, если бы не был уверен, что она легко победит. Чего я о вас не знаю, Кеннер?

Я пожал плечами.

– Мы оба одарённые.

– И вы можете использовать дар для усиления, так? – спросил Данислав.

– Так, – согласился я, – но Лене это не понадобилось. Он правда слабак.

– Вы же только что прошли тест на способности. Как-то слишком уж быстро вы освоили свой дар.

Я молча улыбнулся, Данислав усмехнулся в ответ.

– Ладно, свободен.

– У меня тоже есть вопрос, наставник. Почему его исключили?

– Тебе его жалко, что ли? – удивился Данислав.

– Нет, мне просто интересна причина.

– Хм, ну что ж, отвечу, – сказал Данислав. – То, что он оказался плохим командиром, это бывает. То, что он не су-

мел проиграть достойно и затеял драку, ему большой минус, но на исключение всё-таки не тянет. А вот то, что он заставил драться с собой малолетнюю девочку...

– Справедливости ради, Лена сама вызвалась вместо меня.

– А он согласился. За такие вещи мы исключаем сразу. Наша школа готовит воинов, а не бандитов. На войне всякое случается, конечно, но наш выпускник должен иметь представление о чести. Ну а он ещё и опозорился в конечном итоге... даже его наставник голосовал за исключение. Я ответил на твой вопрос?

– Да, – я слегка поклонился. – Спасибо, наставник.

– Всё, иди.

Глава 4

Третий раз в первый класс – я, можно сказать, первоклассник-ветеран. Первый раз в той жизни, потом здесь, в младшей школе, и вот сейчас я иду с Ленкой в первый класс старшей школы для одарённых «Дубки». Тёмно-серый костюм с бордовым галстуком у меня, тёмно-серый же костюм с юбкой и бордовый бант вместо галстука у Ленки, всё как положено для первоклассников, готовящихся стать дубами, хе-хе. Золотые значки с гербом – теперь мы должны носить их всегда и везде. Как сказала мама, мы выросли, и возможные неприятности перестали быть детскими. Дворянин без явного знака своего сословия не может пользоваться дворянскими привилегиями, и, к примеру, в случае каких-то проблем с законом подпадает под юрисдикцию Мещанского суда. Значок, в общем-то, необязателен – сословным знаком также могут быть, например, шпага или серьга в ухе. Но поход в школу со шпагой – это как-то слишком уж экстремально, а к серьгам у мужчин я отношусь с предубеждением. Наш золотой знак, кстати, означает не менее двенадцати поколений благородных предков; более молодые семьи носят серебряные знаки.

Дворян в нашей школе очень мало – в нашем классе из двадцати четырёх школьников дворян всего трое – мы с Ленкой, и ещё одна девочка с серебряным знаком. Дело в том, что дворянские семьи, особенно старые, совсем не стремятся

получить одарённое потомство – проблем с такими детьми больше, а пользы для семьи, по большому счёту, никакой. Чтобы было понятней, можно привести пример с профессией, например, лётчика в моём старом мире. Это уважаемая профессия, очень востребованная, и хорошо оплачиваемая. Но нужен ли свой лётчик в семье олигарха? Для такой семьи дети должны получать совсем другое образование, и сын, выбравший такую профессию, для семьи будет совершенно бесполезен. Вот и дворянской семье свой Владеющий ни к чему – лучше его просто нанять, а ребёнка научить чему-то более полезному – военному делу, или дипломатии, или управлению предприятиями, или ещё чему-нибудь. Конечно, любая дворянская семья была бы счастлива иметь в семье Высшего, но шансы, что ребёнок когда-нибудь поднимется до Высшего, слишком малы.

В родах одарённых много, но роды считаются скорее союзниками князя, чем подданными, и родовичи дворянства за ранги не получают. Вот так и получается, что из дворян здесь учатся либо редкие представители дворянских семей, либо столь же редкие дети Старших Владеющих, получивших наследственное дворянство.

Если говорить о нас, то дворянство мы получили через покойного деда, который женился на нашей бабушке Ольге, но при этом в род не вошёл. Дед Данята Хомский был представителем очень старой и близкой князю фамилии Хомских. Какой-то особой пользы для нас в этом нет, поскольку ны-

нешний глава фамилии Путята Хомский, наш двоюродный дед, ни мать ни нас знать не хочет, и как-то сближаться с нами не стремится. Что он там не поделил с братом – неизвестно, но именно из-за него мать предпочла после изгнания стать Арди, а не Хомской, так что в реестре мы записаны как независимая дворянская семья Арди, боковая ветвь Хомских. В отличие от нас, они не просто семья, а дворянская фамилия, то есть большой аристократический клан с вассальными семьями, семейными предприятиями и своей гвардией.

Торжественная линейка проходила по типовому сценарию – школьников выстроили на площади перед школой, наши три первых класса в центре напротив старших, чтобы мы, так сказать, прониклись и ощутили. Я ещё за прошлую жизнь напроникался и наощушался достаточно, а вот Ленка слушала стандартную речь директора с волнением. Я не стал портить ей торжественный день, и тоже в меру сил поизображал энтузиазм. После рассказа о том, как нам повезло, и какие грандиозные перспективы перед нами открылись, учителя развели нас по классам.

– Здравствуйте, юные одарённые, – начал учитель, спортивного вида мужчина лет тридцати. – Меня зовут Антон Лентре, я ваш классный руководитель, а также буду преподавать у вас исчисления. Обращаться ко мне нужно «учитель». Для начала давайте познакомимся. – Он открыл журнал. – По очереди встаёте, называете своё имя и кратко рассказы-

ваете о себе. Что вы любите, чем увлекаетесь, кто ваши родители, в общем, всё, что может быть интересно вашим одноклассникам.

В нашем классе из двадцати четырёх учеников оказалось, включая меня, шестеро парней – в строгом соответствии со статистикой. Один немного ботанистого вида, другой производил впечатление какого-то борова, остальные трое ничем не выделялись. Боров мне сразу не понравился, и своим выступлением моего впечатления о нём не улучшил.

– Меня зовут Лев Штайн, мой отец – купец первого разряда Иероним Штайн. Увлекаюсь самобегами, отец обещал подарить мне самобег по окончании школы, пока езжу на его. Мой ранг два-два-один.

– Лев, – мягко сказал учитель, – у нас в школе не поощряются рассказы о своей основе. Она у тебя хороша для твоего возраста, но значение будет иметь та основа, с которой ты закончишь школу.

Ботаник мне, наоборот, понравился.

– Бажан Второв. Мой отец – помощник управляющего на предприятии семьи Стеблевых, мать преподаёт философию в ремесленной школе «Заречье». Увлекаюсь ремёслами, хочу заниматься семантическими структурами, и вообще семантиками.

Я уважаю ботаников. Не тех заучек, которые корпят над учебниками просто потому, что так надо, а людей, которые имеют цель и упорно к ней идут. Второв, похоже, из них, и

если у меня появятся школьные друзья, то он первый кандидат. Посмотрим, как дальше школьная жизнь сложится.

Тем временем очередь дошла и до меня.

– Кеннер Арди, – представился я. – Живу с матерью и сестрой. Наша мать Милослава Арди – целитель лечебницы Живы Одаряющей. Интересуюсь политикой и экономикой, люблю учиться.

– Кеннер? – учитель поднял глаза от журнала. – Редкое имя.

– Назвали в честь прапрадедушки, – я пожал плечами.

Взгляд учителя стал острым.

– А к Ренским ты какое-нибудь отношение имеешь?

– Мы с ними разошлись.

Теперь на меня уставился весь класс.

– Вот как? А сиятельной Ольге ты кем приходишься?

– Неважно, – повторил я. – Мы с Ренскими разошлись.

– Хорошо, – легко согласился учитель, – разошлись так разошлись.

Похоже, скандальную историю изгнания будущей Матери сильнейшего рода в столичном обществе ещё не забыли, да и прапрадедушку Кеннера хорошо помнили. Кеннер Ренский пришёл откуда-то с севера, и в род его приняли по браку. Был он благородным воином и великим героем (Ренские), а также полным отморозком и моральным уродом (все остальные) – в принципе, если отбросить эмоциональную составляющую, это сводилось к одному и тому же. В конце концов другие

роды объединились и сумели дедулю упокоить, но шороху он навёл знатно, и память о себе оставил очень неоднозначную.

Следующей представлялась Ленка.

– Лена Менцева. Приёмная дочь Милославы Арди и сводная сестра Кеннера Арди. Люблю рисовать, играть на клави-ре, и драться.

Класс зашушукал. Учитель слегка растерялся.

– Э-э, мне кажется, драка – это не лучшее увлечение.

– Вы просто не пробовали, учитель, – серьёзно ответила Ленка.

– Хм, да. Ну хорошо, надеюсь, ты будешь заниматься своим увлечением вне школы.

– Я постараюсь, учитель.

Чувствуется, что мы с Ленкой произвели впечатление, каждый по-своему. Ленка, однако, немного лукавила – она действительно была не прочь подраться, но всё же не настолько, чтобы объявлять это прямо вот увлечением. Но я-то её эмоции хорошо чувствовал, и для меня всё было совершенно прозрачно. Парень я видный, физически развитый, да ещё и аристократ. Девочки активно стреляли в меня глазками, вот Ленка и обрисовала перспективы – для умных. Для тупых будет отдельное, более доходчивое разъяснение.

Наконец, представились все. Девочка-дворянка Лида Шенбах оказалась дочерью княжеского Владеющего, недавно получившего седьмой ранг и пожалованного наследственным дворянством. Ещё в классе оказалось шесть родови-

чей – все девочки, и все из разных родов. Ренских не было. Остальные ученики оказались детьми простолюдинов – богатых простолюдинов, дети бедных поступали в одну из трёх бесплатных школ.

– Теперь, когда мы все друг друга узнали, – снова заговорил учитель, – я кратко расскажу о том, что вы будете изучать. В отличие от обычной школы, у нас не так уж много времени уделяется таким предметам, как правописание, словесность, богословие, история и землеописание. Мы просто не можем отвести на это больше времени, потому что вы и так будете заняты гораздо сильнее, чем в обычной старшей школе. И сейчас я кратко расскажу вам о предметах, которые у нас считаются главными.

Главный предмет, которому вы будете уделять наибольшее количество времени – это развитие основы. У всех вас, – он посмотрел на Штайна и повторил, – у всех вас основа недостаточно развита даже для простейших манипуляций, поэтому в первый год вы будете интенсивно работать над ней и совершенствовать навыки управления Силой. Со второго года вы начнёте изучать базовые конструкты, но развитием основы будете заниматься всё время обучения.

Чрезвычайно важными предметами являются геометрия и начертание, которые необходимы для ритуалистики. Вы, возможно, слышали, что ритуалистика малополезна. Это верно, но те, кто так говорят, упускают одну важную деталь: она малополезна для Высших, и в какой-то мере, для верх-

них рангов Старшего Владения. Для обычных Владеющих ритуалистика часто единственный способ сделать что-то, в принципе им недоступное. И конечно, эти предметы совершенно необходимы тем, кто интересуется ремёслами Силы. Для таких учащихся мы организуем дополнительные занятия по их углублённому изучению. С третьего года к ним добавится стереометрия, необходимая для самостоятельного построения конструкторов.

Вы продолжите изучение привычных вам арифметики матриц и исчисления множеств, но к ним добавятся основы континуальных отображений – это тот базис, на котором строятся практически все области знания. Любые процессы, любые явления в природе можно описать как проекции континуальных множеств, и вы посвятите этому немало времени.

Философия изучает всё, что происходит вокруг нас – от движения атомов до рождения звёзд. Существует даже любопытная теория, что возможно существование пригодного для жизни мира вообще без Силы, только на основе философских явлений. Правда, принято считать, что такая Вселенная достаточно быстро самоуничтожилась бы, раздувшись и растворившись в первичном Ничто, но тем не менее, важен сам факт: философия и Сила есть два равнозначных столпа, на которых основано существование нашей Вселенной.

Алхимия. Если философия – это фундамент мироздания,

то именно алхимия строит на этом фундаменте прекрасное здание. Из девяноста с небольшим первичных элементов она создаёт практически бесконечное разнообразие веществ – от обычной воды до сложнейших эликсиров.

Биология изучает живые организмы и вообще жизнь во всех её проявлениях. Это основной предмет для тех, кто выбрал для себя лекарское дело, и очень важный для алхимиков.

Рисование и музыка у нас также являются профильными дисциплинами. Хотя мы не вполне понимаем, как они влияют на овладение Силой, совершенно точно доказано, что эти предметы необходимы для достижения рангов Старшего Владения и выше. Человек, не занимающийся рисованием и музыкой, выше пятого-шестого ранга подняться не может. Есть теория, что эти предметы помогают понять гармонию Вселенной и более полно принять Силу. Вполне возможно, что так оно и есть, у этой теории существует множество подтверждений.

И наконец, физические упражнения. Они тоже необходимы для развития Владеющего, и мы уделяем им большое внимание. Кстати, раз уж я упомянул про физические упражнения, запишите в свои дневники, что каждое утро вы должны пробегать две версты. Это обязательное требование для всех учеников.

На этом у меня всё, – завершил свой рассказ учитель, – и если у вас нет вопросов, то на этом мы с вами и закончим

сегодняшнюю встречу.

У Штайна, однако, вопрос имелся:

– А зачем нам вообще бегать? Это что, так обязательно?

– Да, это обязательно. Это нужно и для физического развития, и прежде всего, для развития воли. Ещё раз повторю для всех – бегать необходимо каждое утро, без всяких исключений!

– А если не бегать, то что будет? – настаивал Штайн.

– Ничего не будет, – учитель посмотрел на Штайна с явной иронией. – Мы не можем заставить вас учиться и становиться Владелящими, и не собираемся этим заниматься. Ещё есть вопросы? Нет? Вот и замечательно. Сейчас спуститесь вниз и перепишите расписание занятий. Зайдите в библиотеку и получите учебники. После этого можете погулять по школе – сегодня ознакомительный день и все двери открыты. Не стесняйтесь задавать вопросы учителям и старшеклассникам.

Здание школы оказалось действительно большим, и ходить по нему можно было долго. Мы посмотрели выставку картин учащихся, многие были действительно неплохи. Ленка и сама очень хорошо рисовала – настолько хорошо, что мы с мамой уже всерьёз подумывали об организации персональной выставки. Останавливало только то, что для полноценной выставки у неё пока не хватало работ. Но здесь пара-тройка её картин выглядела бы очень достойно.

Потом мы обнаружили музей философских приборов –

ах, этот старый добрый девятнадцатый век! Лейденские банки, примитивные макеты электрических двигателей, собранные на лакированных деревянных основаниях, маятник Фуко под потолком. Тут же обнаружился и наш новый одноклассник-ботаник Бажан Второв, разглядывающий какую-то непонятную стеклянную трубку с порошком внутри.

– Привет, не подскажешь, что это такое? – решил я наладить контакт с одноклассником.

– Это? Это обнаружитель электрического поля, – он внезапно смутился. – В смысле, привет.

Я снова посмотрел на прибор. Ба, да это, случаем, не пресловутый ли когерер¹¹ нашего-всё Попова?

– Дай я угадаю – там железные опилки. Если поле усиливается, они слипаются и проводят электрический ток. Так?

– Да, верно, – Бажан посмотрел на меня с уважением. – Я такой сам делал, но этот лучше.

– А зачем ты его делал?

– Ты же знаешь, что передача семантик работает, только если семантические структуры формируют и принимают одарённые? А мне хотелось сделать что-нибудь, чем могли бы пользоваться бездарные.

¹¹ Когерер, или трубка Бранли – прибор, меняющий своё сопротивление под воздействием электрического поля. Когерер использовался А.С. Поповым в его радиоприёмнике. При этом надо отметить, что использование когерера было тупиковым направлением, так как он позволял лишь обнаружить наличие радиосигнала. Передача, к примеру, речи в аппаратуре на основе когерера была принципиально невозможной.

– Так это тупиковый путь. Обнаружитель не позволяет принимать сложные сигналы, так что это будет аналог обычной дрожалки, только гораздо больше и сложнее.

– Дрожалка позволяет только со второй дрожалкой связаться, а так можно на несколько приёмников передавать.

– Ну да, – согласился я, – но всё равно только простые сигналы.

– Есть ещё электрические трубки, – он показал на стеклянную колбу размером с обычную лампочку, с какими-то металлическими проволочками и пластинками внутри, – но там очень много теории, мне пока сложно разобраться. Хочу попробовать их как-нибудь с семантиками совместить.

Ага, электронные лампы здесь уже придумали.

– Хочешь как в визионе, только не в пределах зала, а далеко передавать? – Парень явно задумал изобрести телевидение.

Бажан закивал.

– Это непросто будет. Надо же сначала семантики как-то закодировать в полном объёме, потом передать, а в конце этот код преобразовать обратно в семантическое облако, причём без визионера. Тут работы на десятилетия, да не одному человеку.

Телевидение я ему точно не собираюсь помогать изобретать. А то ведь сначала фильмы, потом сериалы, потом разные Петросяны-Киркоровы, а там и цивилизации конец. Пусть лучше этот мир живёт, он мне нравится.

– Вот и отец мне то же самое сказал, – грустно сказал Бажан. – Но вообще, я думаю заняться чем попроще. Хочу сделать простой передатчик-приёмник, чтобы бездарные могли пользоваться. На электрических трубках такие делают для военных, но они огромные, надо на телеге возить. А я хочу на ремесленных семантиках попробовать, хотя бы только речь передавать.

– Военное ведомство за такое сразу уцепится, – кивнул я.

– Да, и деньги на этом можно заработать просто огромные.

– Ага, – согласился я. – Жаль только ты этих денег не увидишь.

– Это ещё почему?

– Ты простолюдин, за тобой ни рода, ни фамилии, извини за прямоту. У тебя это просто отберут. Ты знаешь, что самобег простолюдин придумал? А потом внезапно все права оказались у Вышатицей.

– И что, предлагаешь под тебя пойти? – окрысился Бажан.

– Я тебе разве что-то предлагал? – удивился я. – Ты спросил, я ответил. А если говорить вообще, то у тебя сейчас ничего и нет. Когда и если что-то сделаешь, тогда и можно будет обсудить, сможем мы друг друга как-то заинтересовать или нет.

Бажан ничего не ответил, но явно задумался. Пусть подумает – у богатых нравы здесь ничуть не лучше, чем в том мире. С изобретателем самобегов действительно грязная история вышла, вот пусть ей и поинтересуется.

– Кени, – к нам подошла Ленка, – там напротив девчонки нашли выставку старинных нарядов, я пойду смотреть.

– Хорошо, я тебя найду потом.

Ленка удалилась, Бажан смотрел ей вслед, пока она не скрылась.

– Извини за вопрос – она тебе только сестра или...?

– Или.

– Жаль, – Бажан был разочарован, – самая красивая девчонка, и уже занята.

– Ничего, не расстраивайся. Выбор тут богатый, ещё найдёшь себе пяток единственных и неповторимых. Или они тебя найдут.

– Ага, – кивнул он, – меня старшие уже пугали.

Тут мне пришла в голову мысль:

– Слушай, а как тебе такая идея: если в визионе вместо статичных картинок сделать движущееся изображение?

– В каком смысле «движущееся»?

– Менять картинки очень быстро с небольшими изменениями. Тогда будет казаться, что они двигаются как живые.

– А, понял. Видел я этот фокус в музее ремёсел. Нет, это работать не будет.

– Почему? – удивился я.

– В визионе картинки ведь не для зрителя. Это семантические якоря для визионера. А к движущемуся изображению ты как заякоришься? Изображение-то будет, а визиона не получится.

Похоже, синематограф тут изобретать бессмысленно – по сравнению с визионом даже три-дэ фильм выглядит убого. Вообще, как-то странно получается – я вроде бы пришелец из гораздо более развитого общества, но не в состоянии предложить ничего нового даже интересующемуся техникой школьнику. Все технические достижения моего старого мира либо не будут работать, как транзисторы, либо бесполезны, как авиация, либо просто никому не интересны.

Распрощавшись с Бажаном, я нашёл Ленку и вытерпел лекцию очень серьёзной девчухи об истории костюма, на чём наш первый школьный день, наконец, и закончился. Он, в общем-то, прошёл неплохо. Школа нам обоим понравилась, я завязал знакомство с интересным одноклассником, Ленка тоже познакомилась с девчонками. Нам пора как-то начинать встраиваться в общество, поначалу хотя бы в школьное.

К своим четырнадцати годам я уже определился с ближайшими целями – стать Высшим и превратить нас в полноценную дворянскую фамилию. Не так уж много времени осталось до того, как я по закону стану полноправным главой семьи, и к тому моменту стоило бы иметь реальный и конкретный план действий. Так что пора понемногу начинать присматривать возможных союзников и слуг. Для начала простолюдинов – дворяне вряд ли станут воспринимать нашу семью всерьёз, пока мы не наберём сил.

Дни шли за днями; мы постепенно втянулись и начали привыкать к увеличившейся нагрузке – от занятий с домашними учителями нас никто не освобождал, и мы по-прежнему посещали школу Данислава. Несмотря на мой расчёт на предыдущее образование, учиться мне оказалось ничуть не легче, чем Ленке. Главная проблема крылась в здешней математике – она изначально строилась на несколько изменённой теории множеств, и мои прошлые знания оказались совершенно неприменимыми. Например, здесь в принципе отсутствовало такое основополагающее понятие, как непрерывная функция – цитата: «в мире не существует ничего непрерывного». Весь матанализ, что я когда-то изучал, оказался даже не то что бесполезным, а попросту мешал. Со старой доброй евклидовой геометрией было попроще, но это только пока. В третьем классе мы начнём проходить основы геометрических искажений, и там мои старые знания никак не помогут. Алхимия с первого взгляда основывалась на обычной химии, но только с первого взгляда. Например, в ней не было понятия валентности, потому что алхимик с помощью Силы легко мог добавлять и убирать атомарные связи и, соответственно, чуть ли не в кастрюле создавать вещества, принципиально невозможные на той Земле.

Так что приходилось учиться, причём учиться только от-

лично, потому что плохая учёба позорит семью. И да, я уже здорово проникся местным аристократическим кодексом. Да и как могло бы быть иначе, если мне внушали это с самого раннего детства? Я помню свою прошлую жизнь – ну, значительную её часть, но отдаю себе отчёт, что я давно уже не тот человек, который умер там. Я Кеннер Арди, и та память для моей личности лишь небольшое дополнение.

Уроки развития основы мне особенно нравились. Во-первых, упражнения давались мне очень легко – мы их, да и не только их, выполняли каждый день с шести лет. Во-вторых, учитель частенько рассказывал нам что-то новое и интересное.

– Кто мне скажет, какое качество является важнейшим для Владеющего Силой? Матулич, твоё мнение?

– Дар, учитель.

– Неверно, дар предполагается всегда. Если его нет, то человек Силой не владеет и говорить не о чем. Кто ещё скажет? Волкова?

– Трудолюбие, – пискнула маленькая девочка с бантиками.

– Трудолюбие в любом занятии необходимо, но для Владеющего есть и более важное качество. Арди, что скажешь?

– Воля, учитель.

– Да! Верно! Именно своей волей Владеющий управляет Силой, и именно его несгибаемая воля меняет мир вокруг него. Месяц назад, в начале учёбы, вам было велено бегать

две версты по утрам. Кто из вас с тех пор бегают каждое утро без пропусков?

Руки подняли мы с Ленкой. Я оглянулся – что, это всё?

– Только Арди и Менцева? – учитель помолчал, – Ну что же, слушайте внимательно, потому что я это скажу только раз.

– Мы все являемся частью мира и меняемся вместе с ним, но и мир является нашей частью, и мы меняем его каждое мгновение. Каждое наше действие, каждое наше слово меняет Вселенную, но если некоторым из нас достаточно тихого слова, чтобы заставить мир стать другим, то большинству даже криком не вызвать ничтожнейшего изменения.

Владеющий меняет мир своей волей, но воля у всех разная. Если вы не можете заставить себя утром вылезти из постели и пробежать жалкие две версты, сможете ли вы изменить мир? С чего бы мир стал прислушиваться к вам, если вы не в силах заставить даже себя?

Вы можете спросить: «Какая Вселенной разница, бегаю я по утрам или нет?». Вселенной плевать на ваш бег, важна ваша воля. Настоящий Владеющий будет выполнять своё решение безо всяких скидок на обстоятельства, потому что его воля непреклонна. Он решил бегать по утрам? Дождь, снег, град – он бежит. В городе наводнение, пожар, ураган – он бежит. В город вошёл враг и вокруг свистят пули, но он бежит, потому что он так решил.

И вот когда его воля действительно становится несгибае-

мой, мир его замечает и начинает к нему приспособливаться. Град обходит его стороной. Наводнение не задевает тропинку, по которой он обычно бежит. Вражеские пули всегда летят мимо. Настоящему Повелителю Силы не нужно даже формировать структуры Силы – мир сам меняется, чтобы угодить его желаниям. Но начинается всё с малого – для начала надо победить свою лень.

Учитель сделал паузу.

– Можешь не изображать скепсис, Штайн, мне всё равно, чему ты веришь, и я не собираюсь тебя убеждать. – Учитель обвёл класс взглядом. – Вижу, многие из вас приняли это просто за красивые слова. Что ж, я расскажу вам одну историю, а вы уж сами решайте, задуматься над моими словами, или же просто выкинуть их из головы.

Как вы, вероятно, знаете из истории княжества, примерно сто пятьдесят лет назад произошла война родов, в которой заметную роль сыграл Кеннер Ренский. Враждебные роды устроили на него несколько покушений, но ни одно из них не достигло успеха. Один из отчётов о проведённой операции, однако, оказался позже доступным публике. Те из вас, кто продолжают учёбу в Академиуме, будут разбирать его подробно, с анализом задействованных сил; я же просто перескажу его краткое содержание.

Убийца сумел пробраться в закрытый сад резиденции рода и подкараулить Ренского, когда тот задремал, сидя в беседке. Убийца был мастером-стрелком, вооружённым круп-

нокалиберной винтовкой с полным глушением звука. У него получилось выстрелить восемь раз. С расстояния тридцати сажен он умудрился не попасть ни разу. Три раза патрон непонятным образом заминался в стволе, и убийца был вынужден выбивать его шомполом. Четыре раза произошла осечка – трижды не сработал капсюль, и один раз не воспламенился порох. В процессе стрельбы он сломал себе ключицу и палец. При попытке сделать девятый выстрел винтовка сломалась. Всё это время Ренский продолжал спать. Последующее расследование показало, что патроны бракованными не были; причина поломки винтовки также осталась неясной.

Именно этот отчёт привлёк внимание к странному феномену, связанному с Высшими. Высший – это не просто название; именно с десятого ранга Владеющий начинает своей волей искажать мир вокруг себя. Победить Высшего может только другой Высший – так и случилось с Ренским, когда его смогли настигнуть четверо Высших из враждебных родов. Хотя Ренский погиб, вместе с ним погибли двое его противников, а Мать рода Эйле оказалась искалечена настолько, что была вынуждена отказаться от Материнства. На том война постепенно и затихла.

Так, у нас уже, кажется, был звонок. – Учитель прислушался к шуму снаружи. – В таком случае урок окончен. Задание на дом у вас есть, а я прощаюсь с вами до завтра.

Он вышел в коридор, за которым уже всю шумела пе-

ремена. Мы неторопливо собирали свои записи. Через парту от нас Штайн распинаялся перед своими подхалимами, при этом почему-то поглядывая на Ленку:

– Я такой чепухи давно не слышал. Владеющий развивает-ся, когда есть хорошие способности, – он сделал паузу, чтобы дать слушателям возможность догадаться, у кого тут хорошие способности, – нужны способности, а не тупая беготня по утрам. Его послушать, так отцовы приказчики уже все как один должны быть Высшими. Вместо того чтобы нормально учить, нам тут капают на мозги какими-то дурацкими историями.

Слушатели активно кивали и поддакивали. А я просто ушам своим не верил – чего эти гарипотеры ждали от школы? Что им выдадут волшебные палочки, и они сразу станут великими волшебниками? Похоже, большинство наших одноклассников слова учителя восприняли как очередную байку. Я начал понимать, почему даже способные простолюдины редко достигают каких-то высот во Владении – нужно несколько поколений, чтобы полностью осознать важность таких вот вещей, и внушить это своим детям с рождения.

* * *

– Ольга, к тебе можно?

– Заходи, Стефа, – Ольга Ренская, не поднимая взгляда от бумаг, призывно махнула рукой. – Посиди минуту, я за-

канчиваю.

Стефа Ренская, младшая сестра Ольги, заведовала безопасностью рода. Сёстры были совершенно разными: суровая, не улыбочивая Ольга, которую побаивались даже родственники, и всегда готовая поболтать и посмеяться Стефа, с простоватым, добродушным лицом. Знающие люди, однако, опасались её больше, чем Ольгу.

– Что там у тебя? – Ольга, наконец, отложила бумаги в сторону.

– Наш человек в Круге передал кое-что любопытное. Сын Милославы в этом году проходил тест на основу, – слова «внук» приходилось избегать, Ольга ненавидела любые упоминания об их родстве. – Вот, посмотри его показатели.

Ольга взяла листок, посмотрела на цифры, затем нахмурилась и перечитала написанное внимательнее.

– Что за бред?

– Бред это или нет, но это то, что написано в его карточке одарённого.

– У них прибор сломался?

– Протокол теста мы увидеть не можем, так что остаётся только гадать. Но мои люди считают, что дело не в приборе. Скорее всего, подделаны расчёты.

– Для подделки выглядит слишком сомнительно. Подделка должна быть незаметной, а это сразу бросается в глаза.

– Вот поэтому мои люди и считают, что в расчёт внесена намеренная ошибка. Понимаешь, если подделывать так, что-

бы это выглядело как случайная ошибка, то можно получить только ограниченный набор цифр. И если отбросить дикие результаты вроде ноль-два-восемь, то выбор будет совсем маленьким. Пусть цифры выглядят сомнительно, зато любое расследование покажет простую арифметическую ошибку, и никакого умысла не докажешь.

– Ну... возможно. А почему ты не допускаешь, что это и в самом деле ошибка?

– Помнишь подружку Милославы, Нату Менцеву? После неё осталась дочь, Милослава её удочерила. Вот её цифры основы.

– Ничего не понимаю...

– Я тоже пока не понимаю. Но согласись, в две ошибки подряд уже совсем невозможно поверить. Для детей из одной семьи. Есть предположение, что тут приложила руку Драгана, и что она таким образом пытается привлечь внимание к семье Милославы.

– Ясно, что без этой сучки Драганы не обошлось, только она может приказать подделать результаты теста. И всё же непонятно в чём её интерес.

– Пока думаем над этим.

– Интересно, можно ли Драгану как-нибудь на этом зацепить?

– В принципе, если опротестовать цифры, то её можно немного прижать. Но тут есть сложность – мы их опротестовать не можем, мы эти цифры вообще знать не должны. Про-

тест имеет право подать только законный представитель ребёнка.

– Вообще-то, у нас есть этот... отец, – последнее слово Ольга буквально выплюнула.

– Пожалуй, может получиться, – кивнула Стефа. – Надо подумать, как подойти с этим к мальчику.

– Я не собираюсь к этому отродью «подходить», – прошипела Ольга, – его привезут сюда, и лучше бы ему меня не злить.

– Ольга, ты совершаешь ошибку, – покачала головой Стефа, – не надо действовать так прямолинейно, нас не поймут.

– Всё, вопрос решён. Подготовь отца, а я распоряжусь насчёт доставки.

Стефа только вздохнула.

Глава 5

Учитель основы обожал глупые вопросы учеников. Он использовал их как повод для поучительной лекции, попутно размазывая задавшего вопрос. Обычно за всех отдувался Штайн – его потенциал идиотских вопросов и замечаний был недостижим для нормального человека. Сегодня, однако, случился и мой выход. Мне вдруг вспомнились фантазийные фаерболы, и я, совершенно неожиданно для себя, вылез с этим вопросом.

– Плазменные шары? Что с тобой, Арди? Ты сегодня как-то внезапно поглупел, меня это тревожит. – Класс хихикал в кулаки – всегда приятно посмотреть, как втаптывают в грязь соседа. – Хочешь посоревноваться со Штайном? – Внимание класса переключилось на Штайна, который вдруг перестал находить ситуацию смешной.

– Нет, в самом деле, Арди, именно от тебя я не ожидал такого вопроса, – продолжал учитель. – Здесь ведь достаточно базовых житейских знаний, чтобы понять, что это чушь. Вспомни, какой высоты достигают языки пламени костра. Одна сажень, и вся плазма закончилась. Даже солнечные протуберанцы очень быстро рассеиваются в вакууме. В воздухе же комок плазмы не пролетит и пары сажен. А если куда-то и долетит, то самое большее – подпалит волосы. Обычная огненная плазма практически неопасна – в пламя костра

можно ненадолго сунуть руку безо всякого вреда для себя.

Если всё же рассмотреть вопрос серьёзно, то создать такой шар действительно возможно. Нужно взять большой объём газа, разогреть его до очень высокой температуры, сильно сжать, чтобы создать достаточно высокую плотность плазмы, и обернуть полученный шар квазистабильной силовой оболочкой, чтобы плазма не рассеялась в воздухе, но высвободилась при ударе. Обычному Владеющему такая сложная задача не по силам, но старшие ранги, возможно, могли бы справиться.

– Проблема здесь в цене, – продолжал учитель. – Создание такого шара займёт немало времени, а главный вопрос: сколько энергии на это потребуется? По моим прикидкам, для разгона камня весом в большую гривну¹² до первой космической скорости понадобится не более одной десятой от этой энергии, а скорее всего, намного меньше. Причём такой разогнанный камень пройдёт насквозь любую броню, плазменный же шар всего лишь проплавит углубление в бронепластине и бесполезно рассеется. Гораздо лучший результат даст расплавленный комок породы, но и в этом случае эффект обычно не оправдывает затраченной энергии. Когда необходимо оказать температурное воздействие на цель, Владеющий её и нагревает, а не бросается чем-то горячим издалека.

¹² Большая гривна – мера веса, примерно 400 грамм. Не путать с денежной единицей.

Главное, о чём всегда следует помнить – это то, что манипуляции с силовыми конструктами не бесплатны. Создавая конструкты, Владеющий устаёт точно так же, как если бы он поднимал гирию. И чем больше энергии требует конструкт, тем больше он устаёт. Даже Высшие предпочитают использовать низкоэнергетические воздействия везде, где только возможно, и даже Высшему не придёт в голову такая глупость, как швыряние плазменными шарами.

Раздавшийся наконец звонок ознаменовал завершение сеанса унижения. Урок основы был последним, и мы с Ленкой не торопясь двинулись на выход.

– Кени, а с чего тебе вдруг пришли в голову эти огненные шары?

– Ну, было бы круто, – «с чего, с чего... читал про них слишком много, вот с чего», – швыряешь их с обеих рук, а всё вокруг горит и взрывается.

– Ты всегда такой серьёзный, но иногда ужасно забавный, – Ленка засмеялась. – Давай, ты почаще будешь забавным?

– Я тебе не нравлюсь серьёзным?

– Кени, ты мне всяким нравишься, – с нежностью сказала Ленка. – Но иногда мне хочется, чтобы ты не всегда был таким серьёзным.

Я не выдержал и тоже засмеялся.

– Ладно, постараюсь.

Действительно, как-то слишком уж я загружаюсь. Можно

подумать, что я отец семерых детей и единственный кормилец. Мне, в конце концов, всего четырнадцать.

Как только мы вышли за ворота школы, рядом как-то незаметно оказались двое крепких мужчин.

– Кеннер Арди?

– Да, это я. С кем имею честь?

– С вами хотят поговорить. Садитесь в машину.

– Кто хочет со мной поговорить?

– Вы всё узнаете на месте, – они даже не пытались выглянуть дружелюбно. – Садитесь в машину.

– Я не собираюсь садиться в машину к незнакомым людям.

– Нам приказано вас доставить, и мы вас доставим. В ваших же интересах, чтобы это произошло мирно.

Я повернулся к Ленке и шепнул ей на ухо:

– На машине герб Ренских, запомни номер. Сразу сообщи маме. Сама не вмешивайся.

Ленка молча кивнула, глядя на меня испуганными глазами. Я повернулся обратно к незнакомцам и спокойно сказал:

– Я отказываюсь ехать с вами куда бы то ни было. Предупреждаю вас, что если вы увезёте меня силой, то это будет квалифицировано как похищение.

Люди Ренских даже не снизошли до ответа. Они просто подхватили меня с двух сторон и закинули в машину. Посреди бела дня, при множестве свидетелей! Или я совсем ничего не понимаю во внутренней политике княжества, или Рен-

ские вконец обнаглели.

Квартал Ренских занимал изрядную площадь в северной части города и был обнесён высокой стеной. Хотя стена выглядела достаточно декоративно, наверху виднелись загнутые внутрь кронштейны с натянутой на них колючей проволокой. Надо полагать, колючей проволокой защита квартала не исчерпывалась. Машина заехала в незамедлительно открытые ворота, проехала по дороге с жилыми домами по обеим сторонам, и остановилась у внушительного здания главной резиденции. Меня выволокли из машины, и держа с двух сторон, потащили в здание. Хорошо хоть не надели наручники – впрочем, кто знает, что там впереди? Протестовать я не стал; протест, на который не обращают внимания – это всего лишь бессмысленное унижение.

Мы спустились по лестнице куда-то в подвал, и прошли по короткому коридору. Затем меня втолкнули в какую-то комнату с кратким напутствием: «Посиди тут», и дверь закрылась. Послышался щелчок замка: меня заперли. Я огляделся. Комната размером метров пятнадцать, с минимальной мебелировкой в виде топчана из досок с тощим матрасом. Маленькое грязное окошко под потолком, забранное решёткой. В нише унитаза и раковина. Классическая тюремная камера. Бабуля явно неспроста решила покошмарить меня перед встречей – похоже, мне будет сделано предложение, которое мне сильно не понравится.

Бабушку Ольгу я прекрасно запомнил с нашей первой и

единственной встречи, когда мне было меньше года. Уже одного того воспоминания было достаточно, чтобы понять, что она приказала привезти меня сюда вовсе не для того, чтобы закормить внука пирожками. Как вскоре выяснилось, кормление в программу визита вообще не входило – ни пирожками, ни чем бы то ни было иным. День понемногу начал клониться к вечеру, затем совсем стемнело, а я так и сидел. Я поигрался немного с мыслью о побеге, но потом со вздохом выбросил это из головы. Навыков ниндзя у меня нет, и через охраняемые ворота мне не пройти. Да и вообще, стоит сначала выяснить, что происходит.

В конце концов, наступила ночь, и я решил, что мне в любом случае стоит выспаться, чтобы иметь свежую голову – ну, насколько это вообще возможно в таких условиях. Я всё же снял пиджак и брюки и аккуратно разложил их там, где почище. Сложно сохранить самоуважение, когда выглядишь опустившимся бомжом среди хорошо одетых людей – на что, очевидно, и был расчёт. Кое-как я уместился на плоском матрасе и всё-таки сумел заснуть при свете тусклой лампочки под потолком. К сожалению, месяц листопад¹³ в этом году выдался очень тёплым – куртку я в школу не надел, а укрываться пиджаком не рискнул.

¹³ В древнерусском календаре это октябрь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.